

В пустоте нет места
легендам.

Ты — эхо ветра,
его тень,
его дух.

Дарья
Гущина

это часть
сущности.

Вера есть всегда,

ДУХ ВЕТРА

Три силы в одном
клубке...
в одной жизни.

Ветер. Книга 2

16+

Мир Вечности

Дарья Гущина

Дух ветра

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Гущина Д.

Дух ветра / Д. Гущина — «ЛитРес: Самиздат», 2013 — (Мир Вечности)

Волею судьбы (и одного творца) я стала сайхо рода, оберегом семьи. Я думала, что хранить — значит быть в курсе дел, чтобы видеть, откуда ветер перемен несет беду. Да и как можно остаться в стороне, когда исчезают люди-Перекрестки, а твой род — тоже Перекрестки? Когда не переставая снится и зовет древний город, а кошмары так похожи на предсказания? Когда раскрываются древние тайны, а ветер срывает маски со знакомых лиц? Об одном лишь я забыла, вмешавшись в события, — там, где появляется ветер, начинаются беспорядки. А раз я — ветер...Вторая и заключительная часть дилогии.

Содержание

Пролог	6
Часть 1: Попутный ветер	7
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дарья Гущина

Дух ветра

Жизнь выбрала тебя – но ты вправе отвергнуть вызов.

Чем станешь ты без людей? С собой.

Нас не спросили, хотим ли мы жить.

Но только нам дано выбирать путь.

Пойми свою дорогу, поймай свой ветер.

Пока есть свет, ты можешь отбросить тень.

Пока есть солнце и воздух, всегда будет ветер.

И хорошо, что он порой бьет в лицо.

С. Лукьяненко

Пролог

*Ветер изменяет форму песчаных барханов,
но пустыня остается неизменной.*

П. К.

Ариштанар не спал. Древний город не одну эпоху провел в темном тумане сна, наблюдая, изучая и познавая. И бездействуя. Долгое время он был подобен скалам, вырастающим на пути ветра, мрачным и неприступным, не подпускающим к себе никого, кто бы потревожил его покой. Но *тот, кому суждено*, пришел, и город впервые за долгое время проснулся и посмотрел на мир, в котором ему придется существовать.

Эпохи, полные поисков и размышлений, войн и покоя, неуловимо изменили лицо мира, столь родное прежде. Ариштанар помнил мир со времен его сотворения и наблюдал сквозь завесу сна, как он вырос и мужал, проходя через испытания штормами и штилями. И ныне пятна черных развалин покоились на месте первых людских поселений. Рваными шрамами тянулись равнины пустошей, выжженных дотла Вечностью. Спали в объятьях морской пучины первые хранилища древних знаний.

Да, многое изменилось. Но нашлось и то, что осталось неизменным. Ветер. Он носился от края до края, обнимая изменяющийся мир, вновь и вновь измеряя его размахом крыльев. Сила. Потоки силы тонкими нитями пронизывали мир, и он держался на них, словно доски моста на веревках, над пропастью. Люди. Мир по-прежнему растил магов и ремесленников – светлых, темных и сумеречных, искателей, торговцев и воров. Новых – и неизменных в своей сути, в природе своей силы.

И среди обитателей нового мира город с трудом отыскал *тех, кому суждено*. И обрадовался им. Да, их осталось немного. Да, это были уже тени создателей – зыбкие, сохранившие лишь подобие прежних сил. Да, они не понимали его и боялись зова города. И они забыли о своем первом доме, хотя каждый оставил береговой след на его мостовой.

И Ариштанар решил затаиться. На время. Чтобы люди узнали о нем, чтобы вспомнили его и научились понимать. Он не одну эпоху ждал их возвращения и теперь готов был подождать еще. Лишь бы снова услышать шорох шагов на темных улицах, мощеных булыжниками с символами берегов. Лишь бы снова увидеть своих людей в окнах домов. Лишь бы снова ощутить, как они счастливы и спокойны. Лишь бы снова поверить, что они рядом, в безопасности. Навсегда.

И у города потеплело на душе. Впервые за долгое время он улыбнулся, и над главной башней, что высилась в центре круглой площади, призывно вспыхнули огоньки многочисленных светлячков. Вспыхнули, чтобы озарить темные лучи улиц, очертить силуэты высоких домов и отразиться в угрюмых зеркалах окон. А тьма, зыбкая и привычная, стала рассеиваться. Символы берегов мягко замерцали и взмыли с мостовых ввысь, в душное неприветливое небо, разгоняя вязкую черноту сумерек, – чтобы собраться в неподвижном воздухе в сияющий знак. И впервые за долгое время город ощутил легкое касание ветра и увидел робкую полосу темных сумерек. И радостно улыбнулся новому рассвету.

Ариштанар не спал. Древний город с нетерпением ждал гостей. Теней своих создателей.
Тех, кому суждено.

Часть 1: Попутный ветер

*Если даже ветер подгоняет тебя в спину,
не пора ли сделать шаг вперед?*

Н. А.

Такое могло случиться только со мной... Придерживая капюшон, я брела, не разбирая дороги. Лишь я могла просидеть дома безвылазно несколько погожих дней, чтобы выбраться по делам именно сегодня, в разгар безумной грозы... Ветер рвал полы короткого плаща и путался в ногах, швырял в лицо пригоршни ледяных брызг и стягивал с головы глубокий капюшон, расплетая косу. После экзаменов у меня была уйма свободного времени – аж четверть сезона Пыльной луны, целых двадцать семь дней!.. Но – нет, мы же не ищем легких путей...

До ближайшего убежища я добралась интуитивно. И, забившись в глубокую щель меж домами, перевела дух. Стремительные волны ветра прокатывались мимо, вдоль широкой улицы, задевая мокрые полы моего плаща, дергая за капюшон. Стуча зубами, я отступила в проем и обняла руками плечи. Промерзла и продрогла до мозга костей...

Последнее тепло Пыльной луны нынешней ночью кануло в Вечность, сменившись мрачным и сырым сезоном Дожливой луны со всеми ее «приятностями». Но на что я точно не рассчитывала, так это на ледяной дождь. Рановато для столь резкого похолодания на равнинах. Тем более – здесь, в сердце материка Первой, защищенного со всех сторон длинными цепями гор. На островах – да, там всякое бывает, но здесь... Не нравится мне это.

Увязав в пучок мокрые спутанные волосы, я снова натянула до глаз капюшон. Надо идти дальше. Кто знает, не затянется ли буйство стихий... Может, непогода вот-вот пройдет, а может – и за сезон не уляжется. Я робко высунулась из проулка. Раннее утро – рассветные сумерки едва отцвели, но не зги не видно... Вместо сплошной стены домов – жутко завывающий клубок грязи, мусора и мутной воды. Как же все не вовремя...

– Зяк, а здесь кабака поблизости нет? – спросила я в пустоту.

Конечно, проще воспользоваться своими воровскими нитями и переместиться в любое нужное место, лишь бы там было что стащить. А еще проще – достать свиток с заклятьем и вернуться домой, в завещанный Эйрином замок. Да и зелий перехода, на худой конец, стараниями среднего брата, – полная сумка. Но. Воровской нюх чуял... неприятности. Непроста буря. И не стоит в ее разгул баловаться магией, даже простейшей. А своим ощущениям я привыкла доверять.

Крылан высунул нос из-под шарфа, принялся и крошечной светящейся точкой устремился прочь, в узкий проулок. Я боком двинулась следом, вытирая собой стены домов. Грубая кладка крупных камней наверху сливалась с грязно-синим небом и пахла сыростью. Под ногами журчали ручейки ледяной воды, просачиваясь в сапоги. Над головой завывал ветер, с грохотом пробегая по черепичным крышам, хлопая ставнями чердачных окон. Хочу в тепло...

Покинуть проулок я решила не сразу. Суровая стихия, то и дело меняющая направление и сужающая мир до пятнышка узкого лаза, смущала до крайности. И как ветром не уносило Зяку, чей мерцающий силуэт был едва заметен в потоке грязно-серой хмари, – я не понимала. Но сизый светляк, распахнув крылья, спокойно покачивался на ветру, поджидая меня. Я шмыгнула носом. Надо, Ясси...

Зяка обнял меня крыльями, едва я ступила в поток ветра. Наверно, я никогда не узнаю всех его способностей... Я подняла голову. Голубиных размеров фигурка – и длинные прозрачные крылья, скользнувшие по моим плечам, сомкнулись над головой. Невесомая шаль светлячкового мерцания укутала меня до кончиков сапог, и замер ветер, затих вдали грохот,

а впереди померещилось высокое крыльцо с перилами из ажурного металла. И встрепенулось внутреннее ощущение страха. Никакой магии, я так и знала...

На крыльцо я взлетела быстрее ветра. Ухватила за перила и иступленно заколотила молотком в запертую дверь. И, к счастью, меня услышали. И не побоялись открыть дверь. Похоже, крылан только что сотворил подобие пространственного «мешка», остановив буйство стихии в этом конкретном месте... Я ухватила светляка за шиворот и нырнула в темную комнату кабака. И, едва дверь захлопнулась, Зяка повис в моих руках безвольной игрушкой, а ветер взревел с новой силой, выламывая двери и ставни.

– Силу, значит, чужую высасывает, стервь! – красноречиво высказался дух, пустивший меня на порог.

Кроме него в кабаке, похоже, не было никого. Небольшое пустое помещение с тремя круглыми столами озарялось стайкой светляков, спящих в закопченном очаге. С низкого деревянного потолка, укрепленного балками, свисали веники пахучих трав. Нет, не кабак это. А чайная. Тем лучше.

– Мы не работаем сегодня, – извиняюще заметил дух, теребя карман клетчатого фартука.

– Ничего страшного, у меня все с собой, – улыбнулась я.

Низенький пузатый человечек добродушно кивнул лысой головой и, улыбнувшись в усы, предложил располагаться, а сам исчез в темном углу, насвистывая веселый мотив. Я посадила Зяку на стол, но осмотреть не успела. Он скользнул на стул, сжался тугим клубком, завернулся в крылья и тихо засопел носом. Ладно, сияние есть, пусть и приглушенное, а значит, все неплохо.

Убедившись в собственном одиночестве, я быстро переоделась. И одежду, и сапоги можно было выжимать. Натянув длинное шерстяное платье и пару носков, я завернулась в шаль и распустила мокрые волосы. Уличную одежду, поразмыслив, разложила по свободным столам, которые предусмотрительно придвинула к очагу. Тепла от светляков, конечно, мало, но и эти крохи лучше, чем совсем ничего. Усевшись за стол, я надолго приникла к походной кружке с горячим чаем. Теперь можно жить дальше...

А буря все не желала успокаиваться. Напротив, она, кажется, только начинала набирать силу. Стены вздрагивали от шквальных порывов, и под давлением ветра жалобно дребезжали окна. А порой мне чудилось, что и дверь не выстоит, сломается, позволив ветру ворваться внутрь. В такие моменты я отвлекалась и от чая, и от наблюдения за Зякой, и вздрагивала, поглядывая по сторонам.

Нет, определенно буря ненормальна...

– Простите, вы что-то сказали? – вежливо переспросил дух, незаметно проскользнувший в комнату с ворохом светляков в ладонях.

– Буря ненормальная, – повторила я, рассеянно перебирая мокрые спутанные пряди волос.

– А это в порядке вещей у нас, часто бывает, – он ловко сбросил светляков в очаг, поворошил их палкой.

– Правда? – заинтересовалась я. – Почему?

– Дык просто все, – дух настойчиво гонял сияющие клубки из одного угла очага в другой, и в чайной становилось теплее и уютнее, – пустоши это обитель. В эпоху Третьего Вечность сюда нагрянула да в пыль города стерла. А ведь здесь раньше, как легенды рассказывают, первые людские поселения строились, первые артефакты создавались. К приходу Вечности никто готов не был, и хранилища все под землей остались.

Я с любопытством внимала.

– У Вечности магия, конечно, цепкая, но и она выгорает эпохи через три. И уже к приходу Девятого здешний город восстановили. А вот сокровища древних до сих пор ищут. А ведь древние знаете, как свое прятали? Ого-го, как прятали! Запросто не подберешься, – и мой

собеседник осторожно присел на стул напротив меня. – И бури эти, как маги сказывают, от растревоженных ловушек образуются. Подобрался слишком близко – получи по... – и запнулся на мгновение, – по голове по глупой, да, – и потупился застенчиво.

– И эта буря магию высасывает? – я ободряюще улыбнулась.

– Не только высасывает. Она украденную магию в свою преобразует и наделяет ею то, что может ловушки защитить. Слыхали о Гранитном исполине?

Я кивнула. О нем не знал лишь ленивый. Черная глыба, выточенная из цельного гранита, с незапамятных времен стерегла вход в долину, где гнездилась головная гильдия магов света. Сама долина, опоясанная тремя цепями неприступных гор, находилась здесь же, на материке Первой, и имела один лишь свободный проход – на севере, где узким ущельем расступались скалы. И именно его прикрывал Исполин – величественная каменная фигура.

Его лица никому не удавалось рассмотреть – с макушки до плеч статую укутывала плотная шаль облаков. А с плеч ниспадал крупными складками длинный плащ и стелился по земле, укрывая ноги. Но иногда, когда один сезон сменял другой, Исполин оживал. И распахивались полы плаща, когда статуя преклоняла колени перед силой природы и поднимала к небесам руки. Но поскольку лично я этого не видела, то списывала появление легенды на крепкие настойки, которыми славились маги света. Я была в долине гильдии пару раз, наблюдала за Исполином, но лишь однажды заметила, как колышутся на пронзительном ветру складки плаща. Правда, я тогда на солнце сильно перегрелась...

– Да-да, это и есть творение магии, которую буря у людей забирает, – вещал меж тем дух. – Они создаются, чтобы защищать тайны древних людей. Много таких по миру разбросано – Красный всадник на островах Заката, Морской гигант, выходящий из волн океана у побережья материка Второго... И, заметьте, все они находятся там же, где и первые поселения людей. И где могут быть хранилища.

А вот я слышала и другую трактовку легенды: подобные статуи создает сила природы – в то время, когда одна луна сменяет другую, и наступает фаза Вечности – два-три дня безумного разгула стихий. Которые, собственно, и творят из переплетений света, тьмы и сумерек то, что мы называем чудесами мира. Да, и нынешнюю бурю можно было бы отнести к проявлению фазы Вечности, если бы последняя не отгремела три дня назад. Значит, здесь что-то усердно ищут. Или кого-то. Или пропавших без вести людей, или то, что может вернуть их домой.

– И помяните мое слово: когда эта буря уляжется, мы узрим еще одно диво, которое рукам человеческим ни сотворить невозможно, ни разрушить, – подмигнул мне дух.

– А как же Песчаный великан? – возразила я, ежась под порывами сквозняка. – Тот, что стоял у Песчаного кряжа на материке Первой? Его-то разрушили. И только носы сапог от него и остались.

– Так то ж не человек разрушил, – хмыкнул мой собеседник. – То, говорят, Девятый был в обличье людском.

Я не стала спорить. Посмотрела задумчиво на искрящийся светляками очаг. Глотнула чаю. Прислушалась к вою бури. И улыбнулась. Похоже, мне повезло... Кажется, здесь взламывает древние хранилища группа искателей. А они-то, вернее – их знания, мне и нужны...

– Благодарю за объяснения!

– Да не стоит, не стоит, – дух расплылся в добродушной улыбке. – Могу еще чего рассказать. Долго жил, много знаю... Мешать не буду?

– Ни в коем случае, – я достала из сумки пару чистых свитков и грифель. – Мне бы про начало эпохи Великой узнать да про первые города... Про самые первые.

– О-о-о... – протянул мой собеседник, глядя со значением. – Ариштанар?..

Я кивнула, быстро заплетая мокрые волосы в косу, и улыбнулась:

– Да, Ариштанар.

И приготовилась внимать. А после – за работу. Искателей нарочно найти невозможно, а на большую толпу искателей наткнуться можно только случайно. И я на нее наткнулась. Мне наконец повезло. Значит, пришло время воровства. И время моего попутного ветра.

***

Ворошить искательские умы оказалось делом непростым и утомительным. Выкапывать из этой бездны знаний тайнописи или легенды о первых городах – что искать каплю пресной воды в океане. Но я старалась. Сначала думала попроситься в группу, но потом решила не светиться: я всего лишь практикант, без наставника и разрешения главы ступени. Но с окончанием бури нужда в группе отпала. С закатными сумерками искатели вперемешку с магами, ворами и вездесущими торговцами стекались в окрестные кабаки, принимали на грудь, расслаблялись, а я в это время сидела в дальнем и темном уголке и работала.

Буря пробушевала три дня, но обещанного дива не сотворила, очень нас с духом разочаровав. Зато в первый же день я поняла, насколько сильно мне повезло. Крошечный городок, затерянный среди перевалов Облачных гор, наводнил цвет искательского общества. Чем я и воспользовалась. И никто не обращал на меня внимания. А я с детства умела становиться невидимкой, когда того требовали обстоятельства. Такие, как теперь.

По просторному залу кабака плыли клочья густого и терпкого сизого дыма, и снующие меж столов посетители казались туманными призраками, напоминая лунного упыря. Я прищурилась, выбирая жертву среди отдыхающих. Нужен одиночка. Кража мыслей – дело затяжное и сложное, и лучше его проводить без нужных свидетелей. И одиночка нужен пьяный. Желательно очень пьяный и спящий лицом в остатках ужина. Только в бессознательные моменты защита от воровства, поддерживаемая амулетами, переставала работать. Правда, знали об этом лишь посвященные. Видимо, создатели амулетов не прочь были попользоваться чужими знаниями, и оставили ворами крошечные лазейки в угоду собственным интересам. Во всяком случае, так говорила прабабушка-артефактолог.

Тихо чихнув в рукав, я протерла слезящиеся глаза и вздохнула. Миндальный и вишневый табачный дым забивался в нос и разъедал глаза. Кстати, об упыре... Синтар сдержал свое слово. Он обещал однажды уйти, и он ушел. Куда? Этого я не знала. Но отчаянно скучала по вредному нахальному созданию. Его советы и поддержка мне бы ой как пригодились...

Снова чихнув, я с досадой осмотрела кабак. Невозможно работать... К гвалту с битьем морд я притерпелась, но дым... Пойду-ка я отсюда, пожалуй. Вчера надышалась до состояния, в котором сознание покидало тело, устремляясь к звездам... и еле потом до постели добралась. Я украдкой промокнула слезящиеся глаза, допила чай и свернула сшивку. Три искательские тайнописи в соседнем кабаке я найти все же успела. День прошел не зря.

Оставив на столе щепоть мелких монеток, я надела плащ и пробралась к выходу, с трудом лавируя меж пьяных посетителей и теряющихся в дыму предметов мебели. А на улице меня снова встретила затрудненная до пределов видимость. По узким извилистым улочкам растеклась мерцающая багряная пелена туманных сумерек. Обычно она блекло-серая и не столь густая, змейками скользкая у ног. Но в этом городе все было не так. Здесь туман ночью сгущался до состояния вязкого киселя, накрывая город и поглощая запахи и звуки, а с наступлением дня рассеивался до зыбкой дымки.

По местным легендам, Клес-Леер, городок, затерянный в сердце материка Первой, некогда был основан светлыми магами, но быстро ими же оставлен. По одним слухам – именно из-за багряного тумана. То ли маги начудили, то ли они в подземных хранилищах спрятали что-то, туман порождающее, но это явление не давало им нормально жить. А потом пришла Вечность, и на месте городка долгое время находилась пустошь. И, по другим слухам, туман остался именно после проделок Вечности.

А когда магия пустоши приказала долго жить, город восстановили и заселили представители разных ремесленных путей – в основном из тех, кто промышлял нечестными делишками,

не состоял в гильдиях, работая на кого попало, и из-за гнусных проделок прятался от обычного люда там, где придется. Собственно, поэтому туман сочли детищем алхимии – якобы он создан в помощь скитальцам, для сокрытия тех, кому нужно спрятаться.

Я же, топая по неровной мостовой и спотыкаясь на каждом шагу, думала, что багряная хмарь могла быть порождением всего вместе плюс чего-нибудь еще. Держась за стену дома, я щурилась на вязкую пелену, но по-прежнему ничего не видела. Лишь туман загадочно подмигивал мириадами золотистых искорок, таящихся в багряной дымке. Какое изумительное место для воровства, с одной стороны...

– Зяк, охраняй, – тихо попросила светляка.

Крылан лениво выпорхнул из-под плаща и угнездился на моей макушке. Невесомый, словно перышко, крошечный и едва заметно мерцающий, он так и не восстановился после той бури. Надо бы с Эйрином поговорить, может, он знает, в чем дело...

Снова споткнувшись на ровном месте, я остановилась, держась за стену дома. Шершавый камень, влажный и скользкий, казался единственным предметом, связывающим меня с реальностью. Я невольно посмотрела на свою ладонь. И он плакал кроваво-красными слезами тумана, оседающего на любой поверхности. Я едва удержалась от детской привычки вытереть руки о плащ. И так чистых вещей почти не осталось... Более того, хмарь ухитрилась просачиваться под одежду, и на коже и волосах даже после купания оставались красные разводы. А любую ткань она делала склизкой и, разумеется, багровой.

Я вздохнула и побрела к постоялому двору. Все бы ничего, но в Клес-Леере такая мощная защита от воровства стояла, что даже кусочек черепицы с крыши не сопрешь. И ходить от дома к дому – только пешком, не за что зацепиться. А перемещаться через портал завещания я не хотела. Несмотря на усталость, интуиция советовала пройти пешком, прогуляться. А своему чутью я привыкла доверять безоговорочно. Не найду искомое сама, так встречу случайно...

– Ой, и-извините...

Несмотря на медленный шаг, я таки ухитрилась в кого-то врезаться. Наступив неизвестному на ногу, уткнулась носом в чью-то куртку. И насторожилась. Та-а-ак... В чью-то?..

– Ясси? – знакомые руки обхватили меня за плечи. – Ясь, ты, что ли?

Я улыбнулась. Как же тесен наш мир, как крепко переплетены судьбой пути... Туман взвихрился, рассеиваясь и расходясь волнами, и я крепко обняла брата. Немыслимо...

– Райден! – на радостях я тихо хлюпнула носом

Ветер, как же я соскучилась... Он крепко обнял и привычно застрожил:

– Ясси, что ты здесь делаешь?

Я отстранилась, кашлянула, но не нашла с ответом. Не рассказывать же ему всю историю, о которой лучше вообще никому не знать... И меняхватило только на глубокомысленное:

– Я... Э-э-э... Это... Да... Вот.

Взгляд Райдена стал острее кинжала, а его руки требовательно сжали мои плечи. А значит, ответом он не удовлетворен и намерен здесь же его из меня вытрясти... Я мысленно вцепилась себе подзатыльник. Соображаем, живо!..

– Я же без практики осталась! – затараторила нервно. – А дома не хочу сидеть! И, пока возможность есть... над темой выпускной работаю!.. Зачем время зря терять, да? – кстати, и не соврала почти... – Я ключами к тайнописям занимаюсь, а здесь... – мозг загудел от напряжения, лихорадочно подыскивая нужные сведения, – а здесь находятся старые хранилища древнего братства воров, еще времен эпохи Второго!.. – и как вспомнить-то ухитрилась?.. – Видел останки башни на северной окраине? – и доверчиво посмотрела в темные глаза Райдена. – Видел?

– Видел, – он склонил голову набок. – И?..

– ...и все ее стены тайнописями исчерчены, – я кивнула самой себе. – И они-то мне и нужны!

На самом деле загадками башни, о которой мне поведал дух чайной, я собиралась заняться чуть позже... Но хвала ветру, что вспомнила об этом.

– Врет, – прокомментировали из тумана сухо.

Шхалар. Конечно, куда же без него.

– Знаю, – Райден хмыкнул насмешливо и взял меня за подбородок. – Но потом она честно расскажет всё, как есть. Правда, Ясси?

Я беззащитно улыбнулась. Ага, расскажу, держи карман шире... «Потом» я буду готова и к непредвиденным встречам, и к неожиданным вопросам, а сочинить правдоподобную легенду с ворохом нужных событий – дел до утра. Но пока брат, кажется, не готов с пристрастием меня допрашивать. Сияющие над его левым плечом светляки озаряли осунувшееся и уставшее лицо. Без каких-либо следов пребывания в тумане, кстати...

– Где ты остановилась? – и его светляки вспыхнули ярче, разгоняя мглу. – Пойдем, про... – Райден запнулся, расплылся в широкой ухмылке и захохотал на всю улицу.

Да-да, вот уже второй день я пребываю в багровом настроении с головы до пят... Проклятый туман ложился на открытые участки кожи всеми оттенками красного, и я так и не смогла утром смыть с лица едкие полосатые разводы.

– Ясь, – брат, посмеиваясь, вытер тыльной стороной ладони скользкий осадок с моей щеки, – здесь же на каждом углу продают зелье, защищающее от действия тумана!

– Правда? – удивленно моргнула я.

Совсем из реальности выпала со своими тайнописями, очевидное перестала замечать...

Он обнял меня за плечи, увлекая за собой:

– Поздно уже, пойдем. Провожу и расскажу, где что купить. Ты надолго здесь?

Мы пошли к постоялому двору, и багряная хмарь расступалась перед нами, испуганно прижимаясь к стенам домов. Шхалар молча топал следом. Даже поприветствовать не вышел, прячась в густом мареве. Стыдно, что ли?.. Да вряд ли у него есть совесть.

– Вообще-то нет, но могу остаться, если нужно, – я покосилась на Райдена. – Нужно?

– Нужно, – он улыбнулся. – И вор свободный нам пригодится, и... я соскучился. У тебя есть допуск к работе?

– Нет, конечно, – вздохнула с сожалением. – Я же только практикант и без наставника...

– Добуду, – пообещал брат. – Завтра же все улажу. И завтра же жду на месте – в ущелье за южной окраиной города. Найдешь?

– Обижаешь, – я подняла брови.

Мы свернули в извилистый проулок. До постоялого двора – два дома.

– Тогда до встречи, – Райден обнял меня, наклонился и шепнул на ухо: – вечером приходи, к закатным сумеркам, тогда и поговорить спокойно успеем... Кстати, ты правда на пятый день учебы взорвала хранилище воров?

Я потеряла дар речи. Шхалар, змей чешуйчатый!.. Я смущенно улыбнулась:

– И не на пятый день, а позже, и вообще, это не я, а тень мрака, а я...

– ...ни при чем? – добавил брат весело.

– Ты же знаешь, – отозвалась в тон ему.

– Конечно, – задорно поддакнул он.

И разбежаться пора, и увидимся завтра, и поговорим... но я не смогла его отпустить. Обняла, прижалась щекой к его плечу, вцепилась в куртку.

– Яськ, ну что ты...

– С тобой хочу... – я не выдержала и тихо хлопнула носом.

– Нельзя, не сегодня, – Райден снисходительно, как маленькую, потрепал меня по плечу и отстранился. – Лагерь уже закрыт. Беги спать.

Я шмыгнула носом, криво улыбнулась, но послушно развернулась и побрела к высокому крыльцу постоялого двора.

– Слушай, а что у вас за история с поисками морока была? – спросил он вслед с любопытством, и я невольно споткнулась. – Когда полгильдии светлых магов явилось истреблять нечисть с Изнанки и едва не разнесло город воров, гоняясь за твоим светляком?

Я обернулась через плечо и невинно осведомилась:

– А больше Шхалар тебе ничего не рассказывал? Так спроси про закатных «прилипал», например. Это моя первая удачная попытка в совмещении потоков. И про то, как у меня тему выпускной работы из-за его дотошности увели, тоже разузнай!

Багровый туман оскорбленно фыркнул. Я повернула голову на звук и лицемерно улыбнулась:

– А-а-а, Шхал, ты еще здесь? Добрых сумерек, – и подмигнула брату: – Райден, а ты про «прилипал»-то спроси. А не расскажет сам, так я завтра покажу, – и снова улыбнулась туману: – Они тебе понравятся.

Брат хохотнул:

– Верю.

Открыв тяжелую дверь постоянного двора, я замерла в проеме, наблюдая, как тает магия сумерек и спускается на проулок багровая мгла, скрывая высокие удаляющиеся фигуры и поглощая тихие шаги. Ну вот, начинается... Так же, как и в прошлый раз. Случайная встреча с неразлучной парочкой там, где меньше всего рассчитываешь увидеть знакомое лицо, – и непредвиденные последствия столь странных встреч, и...

Сохрани меня ветер...

***

Я мрачно смотрела в зеркало. Из его серебристых глубин на меня не менее мрачно взирало багряное нечто. Лучшее бабушкино зелье чистки оказалось бессильно против магии тумана. Порошок, от вредного действия предохраняющий и купленный вечером у хозяина постоянного двора, тоже не помог. Интересно, как тут люди живут? Неужели по утрам зельями обливаются вместо умывания да порошками обсыпаются вместо стирки одежды?

Багряное отражение хмуро насупилось. Кожа – с темно-красными разводами. Волосы – всех оттенков багрянца, от бледно-красных до почти черных, с характерным золотым мерцанием. Даже глаза изменились: радужка стала багряной, а в зрачке притаились золотые искры. Жуткое зрелище. Настроение крови. К чему бы это?..

Вздохнув, я отвернулась. Надеюсь, багрянец временный... Я запустила руки в сумку в поисках одежды. Поскольку она являлась порталом в хранилище, тряпки я сдавала духу, и тот за ними приглядывал – стирал и раскладывал по полкам, с которых я нужное и извлекала. Однако теперь полки были совершенно пусты. Разумеется, дух все выбросил, и правильно сделал. Из-за «купания» в туманном киселе одежда восстановлению не подлежала и после стирки. А у меня с собой вещей-то было не так много... Запасы кончились.

– А от Эйрина что осталось? – спросила я у сумки.

И спустя мгновение извлекла на свет тугой сверток. Развернула, изучила и усмехнулась. Как однажды заметил Айло, недоразумение навсегда останется недоразумением, потому как притягивает к себе всяческие недоразумения. Голубые штаны с красными заплатками на коленках, желтая в крупный зеленый горох рубаха, синяя туника с рукавами по локоть, фиолетовые сапожки и короткий плащ с капюшоном под цвет моего нынешнего настроения. Висело это счастье на мне как на вешалке, да выбирать не из чего. Надо бы совершить набег на местные лавки...

Одевшись, я прилежно обсыпала себя защитным порошком, перекинула через плечо сумку и отправилась изучать развалины башни, чернеющие на холме за северной окраиной города. Надо же Райдену вечером про них рассказать, чтобы не приставал с вопросами, на которые нет ответов... Тем более в моем распоряжении – целый день.

До северной окраины Клес-Леера я добиралась недолго. Городок небольшой – с десяток длинных узких улиц, сплетенных в тугой клубок, вытянутый с запада на восток от озера к озеру. С севера и юга город подпирали крутые склоны гор, чьи вершины терялись в рваной дымке облаков. Кстати, белых. Туда колдовскому туману добраться не удалось. Да, я все о насущном...

Выбравшись за окраину и пройдя по каменистому полю, я взобралась на высокий холм, где гнездились останки башни, и обернулась. Здесь наконец меня оставило чувство... клетки. Дома в городе невысокие, два-три этажа, но из-за узких улиц, где паре людей, идущих навстречу, порой не разойтись, казалось, что Клес-Леер прижимает к земле – неровными стенами и длинными карнизами, распахнутыми ставнями и низкими балконами. И бельем, которое сушили над головами прохожих местные жители, развешивая его на протянутых от стены к стене веревках. Видимо, стирку зельем таки обсыпали...

Я глубоко вздохнула и с удовольствием потянулась, подставляя лицо влажному ветру. Гоняя по низкому небу тяжелые черные тучи, он стремительно уносился вдаль, стряхивая с сырых крыльев редкие капли дождя. И я невольно посмотрела ему вслед – туда, где у подножия скалы ежилось под мелкой моросью хмурое озеро. Пора бы и мне в путь... Добуду недостающие тайнописи, попробую расспросить Райдена о загадочных пропажах – и в дорогу, не стоит засиживаться на одном месте. Подозреваю, времени у меня в обрез.

Останки башни неприкаянно темнели на дальнем склоне холма, сливаясь с грязно-серой насыпью скалы. Два низких этажа, полукруглые пустые окна, неприветливо-черный дверной проем, наполовину заваленный камнями, и отсутствующая крыша – вот и все, что осталось от первой гильдии воров, основанной в эпоху Второго. Дополняли убогое зрелище мшистая кладка кривых стен, утопающих в жухлой траве, и чахлый кустик, сиротливо свисающий со второго этажа. И – полное отсутствие жизни. Ни насекомых, ни мелких зверьков, ни птиц. Лишь ветер тоскливо завывал в провалах крыши, заглядывая в окна и вынося из башни сырой запах гнили.

К башне я добиралась через препятствия: холм усеивали крупные осколки камней, схожих по виду со скальной насыпью. На последнюю я посматривала с опаской. Больно хлипкой казалась их относительная неподвижность на горном склоне, нависающем над холмом. Перебираясь через поросшие мхом валуны и путаясь в сухой траве, я размышляла. Нет, не о бренности человеческих творений. Я думала о том, почему гильдию забросили. Какой страх заставил людей бросить все, удрав подальше? Неужели багряный туман?

В неприветливый дверной проем я пролезла с трудом, вывозившись в каменной пыли. Отряхнувшись, заправила за ухо прядь волос, огляделась и брезгливо сморщила нос. Неуютно и мерзко. Сырость, источаемая стенами, пробирала до мозга костей. Скучного света, проникающего сквозь маленькие окна, едва хватало, чтобы рассмотреть груды камней, некогда сложенные в перекрытия. Недолго думая, я нащупала паутинный поток силы мрака и соорудила себе повязку, позволяющую видеть в темноте. Так, где тут дух чайной видел тайнописи?

Я облазила оба этажа, но, кроме скользкого зеленоватого грибка и вездесущего мха, ничего не нашла. И, почесав кончик носа, присела перед глубокой дырой в полу. Надо было уточнить у духа, из какой эпохи он родом... Я нерешительно склонилась над провалом, и на меня дохнуло гниющей сыростью старого подземья. Скользкая тьма свернулась внизу молчаливым клубком и... И кто знает, не скрывает ли она опасность?..

Воровское чутье озадаченно молчало, но совету осторожности я вняла. Пошарив в сумке, вынула наружу учебное творение – закатных «прилипал». Когда я их создавала, то использовала нить вора, цепляющую цель, и закатный луч как источник света. Могут ли они пригодиться? Я давно о них забыла, и способности «прилипал» остались неизученными. А теперь время, видимо, пришло. Если внизу – опасность... то «прилипалы» все равно неубиваемы. Их даже Шхалар не смог уничтожить. За приманку точно сойдут.

Улетев вниз, «прилипалы» рассыпались в крошечной тьме многочисленными бликами догорающего заката. Сколько у меня их было? Штук десять? Кажется, на «свободе» они множатся сами по себе... Рассмотрев в их сиянии груды камней внизу, я вытащила из потока ветра цепляющую нить и очутилась внизу. Бегло изучила стены, нашла еще одну дыру в полу и спустилась за «прилипалами» на следующий этаж. Прошлась по нему, обойдя три полуразрушенных помещения, и продолжила спуск в неизвестность.

Искомые тайнописи обнаружились на десятом этаже подземной башни. Едва я туда спустилась, как «прилипалы» взяли меня в плотное подвижное кольцо. Я быстро огляделась. Здесь не было ни гнили, ни сырости, ни мха. Ровная, словно отшлифованная умелыми руками кладка стен, круглые комнатки, связанные овальными арочными пролетами, прочный сухой пол, и ни одного случайного камешка. Это уже похоже на подземное хранилище... Кстати, подозрительно знакомое.

А мог ли Эйрин вместе с жизненной силой передать мне и часть своей памяти?..

Я подошла к стене и сощурилась на трещины символов. Жаль, Зяки нет, он бы здорово помог... Но с вечера я, по совету Эйрина, уложила светляка в спячку – силы восстанавливать. Конечно, крылан сопротивлялся и рычал, но я оказалась упрямее. И теперь полагалась только на свои способности Перекрестка и неистребимое всезнайство.

От робкого подвижного мерцания «прилипал» по стенам поползли безымянные тени, выхватывая из густого мрака то спираль, то бесчисленное пересечение линий, заключенных в квадрат. Помедлив, я достала сшивку, зарисовывая увиденное. Сколько уже копаюсь в тайнописях, а никогда прежде не сталкивалась с подобным... «Прилипалы» меж тем не унимались. Подпрыгивая и пританцовывая, они то вертелись перед носом, то лезли под руку, то ныряли в сапог. Я морщилась, но терпела. Жаль, но для создания других источников света сил не хватит... Пять-шесть хилых светляков – мой магический предел, а этого мало.

Я извернулась, отловив очередного наглеца у края ворота. Надела капюшон, но следующий светляк уже нырнул под косу и просочился под одежду, щекоча кожу спины. Я прижалась к стене, и «прилипала» упал к моим ногам ворохом желто-красных искр. Один. А их еще штук десять кружит без цели... И раздавленный уже собирается воедино. Но я... очень-очень терпеливый человек. Вреда, конечно, от них больше, чем пользы, но ради этой крошечной пользы можно немного потерпеть. Не обращать на них внимания и делать свое дело.

Время пролетало незаметно. Между изучением тайнописей и битвой с «прилипалами» я сгрызла дневной запас яблок и решила, что пока все не запомню, наверх не полезу. Ибо вряд ли решусь снова спуститься в эту сырость. Я обошла пять помещений, скрупулезно изучая каждый уголок стены, а тайнописи и не думали кончаться. И в восьмой комнате меня начали терзать смутные сомнения. А в девятом помещении, закольцованном с первым, сомнения обрели очертания догадки. Девять комнат – как девять ремесленных путей, собранных в круг. Неужели это древние, самые первые тайнописи ремесленников?..

Поставив последние точки над очередным символом, я сложила сшивку, сунула ее под мышку, отогнала от лица пару «прилипал» и с любопытством ощупала стены. Сухой теплый камень. А что скрывается в сердце хранилища?.. Помещения расположены по кругу, подобно камням ожерелья, сверкающим на шее. Вопрос. Как попасть в эту «шею»?.. И, конечно, здорово бы найти там ключи к тайнописям... Но я больше ничего не нашла. Обшарила внимательно стены от пола до потолка, благо, последний – низкий, но... Ничего.

Разочарованно вздохнув, я достала из поясного кармана кружку с чаем. Одно из двух – или ничего больше здесь нет, или... всему свое время. И в связи с последним подумалось: а мог ли Эйрин, создавая меня, прописать мой путь? Могло ли в моем подсознании изначально быть «зашито» скрытое понимание необходимых дел? И того, каких именно людей мне нужно встретить, – и я познакомилась с артефактологом, который помог мне постичь собственную сущность сайхо. И того, в каких местах мне нужно побывать, без учета зова ветра и сундучков,

и я – совершенно случайно – оказалась здесь, среди тайнописей, которые считаются утерянными?..

Я задумчиво шмыгнула носом. А если вспомнить первые ощущения от подземья... Все может быть. Как и то, что я нашла – опять же, совершенно случайно, – упомянутые Эйрином тайнописи Изначальности. Первые знания первых ремесленников, переведенные на первый язык символов. Символов – не зависящих, как известные, от эпохи и ее веяния или же от местности. Здесь не было ни кругов света, ни паутин тьмы, не полукружий заката, ни облачных полос рассвета. Убрав кружку в поясной карман, я достала «чтец тайн» и проверила ближайший символ. Нет, и никакого двойного дна. И, кажется, я не ошибаюсь ни в одном из двух последних предположений. Эйрин ведь говорил, что обещал молчать, но он не обещал не делать...

Наверх я поднялась, пребывая в глубокой задумчивости. Хитрости и изворотливости «предка» с избытком хватило бы на весь мой род, включая меня... И, конечно, с ним бесполезно обсуждать последние предположения. Жаль, Синтар ушел... Мнение опытного артефактолога, умеющего создавать сайхо, мне бы ой как пригодилось... И пока я пришла к простому выводу – нужно слушать себя, верить ощущениям и смотреть по сторонам, чтобы ничего не упустить. Опять же, в магию тумана так бездарно не вляпаюсь...

Попутно собрав в один клубок «прилипал» и убрав их с глаз долой, я перебралась через завал у дверного проема, отряхнулась и замерла. В воздухе пахло... страхом. В мрачном небе гасли последние искры заката, и с гор на долину Клес-Леера сползали щупальца туманных сумерек, по пятам за которыми следовала ночная мгла. Башню и холм укрывала грязно-серая хмарь, и ее клочья на ветру приобретали очертания странных созданий. И то, что стояло напротив меня, сначала показалось порождением тумана. Пока не зарычало.

Я невольно попятилась, уперлась спиной в завал и затаилась. А существо потянулось, покогтилось, выгибая шипастую спину, стегануло раздвоенной плетью хвоста оземь и осклабилось. Я судорожно сглотнула. Вечность, что это?.. Никогда не видела столь мерзких тварей... Длинное костлявое тело и короткие лапы, уродливая морда с шишковатым лбом и выпирающей нижней челюстью, мертвенно-бледная кожа, с боков покрытая струпами, а вдоль позвоночника, ото лба до обоих кончиков хвоста, украшенная черными шипами. И в довершении – капающая с нижней челюсти едкая слюна, острые иглы клыков и злобно горящие белесые глаза. Голодные белесые глаза.

Ветер, я ни о чем подобном не читала, и эта тварь точно не из существ Изначальности... Я проглотила испуганный вопль и прикусила язык, когда существо, снова с хрустом потянувшись, уставилось на меня. Уставилось. Облизнулось. Лязгнуло зубами. И медленно направилось ко мне. Неспешно переставляя кривые лапы и виляя задом. Уверенное в том, что никуда я не денусь и позволю себя сожрать. А я... А что я? А я жить хочу! И инстинкт самосохранения переборол панику, давая подсказку. Я быстро сунула руку в поясной карман, нащупывая завешание и наизусть читая заклинание портала.

– Ребята-а-а? Помощь нужна!

– Какая? – из поясного кармана высунулась включенная рыжая голова одного из близнецов.

– Вот!.. – я ткнула пальцем в чудище.

– О-о-о, какой замечательный, – одобрительно хмыкнул он. – Славное животное.

– Где? – раздалось из кармана раздраженное. – Слышь, Энс, подвинься, дай посмотреть!

– Обойдешься, рыжий, – Энсли восхищенно глазел на тварь.

– Кто рыжий? – зашумел его брат. – Это я-то рыжий?! Ты сам-то давно в зеркало смотрелся, недоумок рыжий?! Уйди, кому сказал!

Тварь, почуяв неладное, прибавила шаг. Энс плавным движением вылез из кармана, закрыв меня собой. Следом за ним, ворча, высунулся Эмсли.

– Ай, красавец, – протянул он в тон брату. – Чудный зверек! – и тоже выбрался наружу.
– Извращенцы, – мрачно прокомментировала я. – Короче... спасайте.
– Убить, порезать или?.. – оглянулся на меня Эмс, и из его ладоней выскользнули огненные клинки.

Тварь замерла, чутко поводя черным треугольным носом, переминаясь с лапы на лапу и нервно подергивая хвостом.

– На твое усмотрение.

– Отлично, – плотоядно ухмыльнулся рыжий, – он мой.

– Почему это твой? – возмутился Эмс. – Почему это сразу твой? Слюни подбери, делиться надо.

– Ладно, – его брат хмыкнул, – уговорил. Забирай вон тех двоих.

Каких еще «тех двоих»?.. Я испуганно огляделась. А из-за башни, по костлявую грудь утопая в призрачной хмари, выворачивали еще два «красавца». Я невольно съежилась.

– А остальных как делить будем? – Эмс беспечно взмахнул огненной плетью, высекая искры из валунов. – По-братски?

Ост-тальных?.. Забери меня ветер...

– Обойдешься, – осклабился Эмс. – Кто своих вперед порубает – того и оставшиеся.

– Тогда начали.

Я зажмурилась, чтобы не видеть расправы, и хриплый вой существ больно резанул по ушам. Спрятав лицо в коленях и закрыв голову руками, я тщетно боролась с паникой, убеждая себя, что все обойдется. Что близнецы справятся. Что я вернусь в город живой и невредимой. Что увижусь с Райденом... Ой. Он же меня ждет... Я же обещала прийти с закатными сумерками...

– Радужная, не зевай! – раздался резкий окрик рыжего.

Я робко подняла голову, глядя в щель меж локтей. А чудище уже готовилось к прыжку. Белесые глаза смотрели на меня с тупым выражением голода. И, конечно, ничего я со страху наколдовать не успела. Только испуганно завизжала, по-детски выставив перед собой руки. А следом завизжало и чудище. Не достав до меня полшага, оно с воем отлетело в сторону и уткнулось мордой в землю, забило судорожно хвостом. А я успела заметить, как на безобразном лбу проступили, подобно ожогам, багровые отпечатки моих ладоней.

– Защиту наколдуй, что ли! – рявкнул один из братьев.

Я пропустила его слова мимо ушей и ошарашенно посмотрела на свои руки. Потом выудила из-под ворота плаща косу. И присвистнула. Вот те и туман... С приближением существ я начинала лучиться багрянцем как светляк. Вот, значит, зачем он нужен городу... Тварь меж тем очухалась, злобно зарычала и вновь бросилась в атаку, да напасть не успела. Огненная плеть Эмса прошла по шипастой спине, оставив от чудища лишь пепел. Я перевела дух. Так, гордость, ты где? Еще здесь? Удивительное рядом... Значит, делаем ноги.

Твари вырастали из тумана одна за другой.

– Эмс, берешь трех слева, а мои – четыре справа!

– А давай кто больше, а?

– А давай!

Ненормальные... Я живо прикинула расстояние от холма до южной окраины города. Нет, далеко... Но попробовать можно. Я вытянула из потока нить захвата цели, представила Райдена и рванулась к нему ветром. И почти дотянулась, коснувшись жесткой кожи, кажется, куртки, почти... И, врезавшись в невидимую преграду, отлетела назад. Знакомая насыпь у башенного входа любезно предоставила мне свои каменные бока для приземления. Густой мох смягчил удар, но из жизни я ненадолго выпала.

– Ю-у-ух!.. Пятнадцатый!

– Врешь, трепло!

– Призраки не врут, братец, а мы с тобой – они самые! Твои выводы?

Я с трудом подняла голову и слепо заморгала. Перед внутренним взором взрывались разноцветные звезды, и нещадно ломило затылок. Я неловко села, охнула от боли в спине и зашарила в кармане сумки. Вот растяпа... У Райдена же есть защита от воров, наверняка ему прабабушка амулет смастерила... Дрожащей рукой нащупала искомую бутылку, зубами вынула пробку, сплюнула и одним глотком выпила лекарство. И правильно, защита нужна, коли в воровской компании работаешь... Я отбросила в сторону пузырек и наконец заметила, что держу в левой руке братьев сапог. Вот те и дотянулась...

– Радужная! Жива?

– Почти, – отозвалась вяло, закрыв глаза.

Боль постепенно притуплялась и уходила прочь, шипастого зверья я уже не боялась. Близнецы расправлялись со стаей умело и безжалостно, а те твари, что рисковали соваться ко мне, получали ожоги и выли, катаясь в высокой траве. Но когда они кончатся-то?..

– Эй, а я тебя знаю! – неожиданно завопил один из братьев.

Знакомый запах – терпкая магия сумерек... Я попыталась привстать, но снова села от удивления. Ко мне шел Шхалар. На небритой физиономии – угрюмое недовольство, в глазах – острый холод мглистого огня. И выпущенная на свободу источникова сила хлещет через край.

– Сзади, Шхал... – заикнулась я.

Сумеречный и бровью не повел. А чудище, полыхнув изнутри сизым, распалось клочьями тумана. Собственно, как и его шипастые сородичи.

– А что это за заклятье? – заинтересовалась я.

Шхалар не ответил. Подошел и молча протянул мне руку. Я, уцепившись за его предплечье, с трудом встала, едва удерживаясь на ногах. Снова разболелась голова, заныла ушибленная спина и мелко задрожали колени.

– А Райден... – я нерешительно посмотрела в невозмутимые сизые глаза.

– Ждет, – ответил он коротко.

И не сказал больше ни слова. Наклонился, перекинул меня через плечо и пошел прочь с холма.

– Эй, а где?.. – раздался возмущенный вопль. – А куда чудики делись? Я ж не успел добить до тридцати!

– А я – до сорока!

– Эмс, ты же призрак, тебе природой не положено врать!

– А тебе?

– Любопытный вопрос, кстати...

А продолжение разговора я не услышала. Холм и башня слились в сплошное сизое пятно, и меня замутило. Я, конечно, Перекресток и могу колдовать, но, не рожденная магом, физически не переношу двух вещей – мыслесвязи и укороченного пути. Шхалар, спустившись с холма, вынырнул у черты города, затем, со следующим шагом, – у центральной площади и остановился у крыльца постоянного двора на южной окраине Клес-Леера. Болтаясь вниз головой, я отчаянно боролась с собственным организмом, прижав руку ко рту. Только бы дотерпеть...

Шхалар опустил меня на мостовую, и в столь неприглядном виде – «полосатая» от тумана и в пыльной одежде, зажимающая рот и обнимающая братьев сапог, дрожащая и удерживаемая за воротник крепкой сумеречной рукой – я и предстала пред мутным взором Райдена. Он сидел на крыльце и вид имел потрепанный и пришибленный. Эк его отдачей от моего прорыва приложило... Надеюсь, что не о крыльцо.

Сказать брат ничего не успел.

– А предупреждать надо!.. – да, лучшая защита – это нападение.

– Отлуплю! – пригрозил Райден обреченно.

Я крепче обняла сапог и воинственно нахохлилась:

– Тогда зелье лечебное не дам!..

– А есть? – в мрачном взгляде проявилась заинтересованность.

– Полная сумка, – я робко улыбнулась. – Айло поделился...

Он встал, тяжело опираясь на перила, и требовательно протянул руку. Я торопливо вернула сапог и зашарила в сумке. Шхалар меж тем оставил в покое ворот моего плаща, а заодно и шатающуюся меня без поддержки, и молча устремился на постоянный двор. Наша с Райденом запоздавшая благодарность растворилась в скрипе хлопнувшей двери, и брат едва успел подхватить меня под локоть и усадить рядом с собой на крыльцо.

Достав из сумки зелье, я невольно оглянулась на дверь постоянного двора.

– Обиделся, что ли? Ему же не привыкать вытаскивать меня из разных... нехороших мест.

– Нет, не в тебе дело. Он давно сам не свой, – Райден взял бутыл. – Мгла знает, что с ним творится... – и надолго замолчал, занятый лекарством.

А я пила свое, отстраненно глядя на стену багрового тумана. Сегодня моя сущность недоразумения спасла мне жизнь, и, возможно, не раз...

– Яськ, пошли спать, – брат, натянув украденный сапог, тяжело вздохнул и сморщился, потирая виски: – Остальное – завтра.

– И про шипастых расскажешь?

– И отлуплю для полноты ощущений.

– А всё-таки – откуда они?

– А сама не догадываешься?

– Ну... нет.

Райден качнул головой неодобрительно, но объяснил:

– Это вырвавшиеся на свободу хранители тайников. Помнишь жгутолапых из пустоши? У них одна природа. И прежде шипастые рыскали по округе и рвали все, что движется, пока маги не создали защитную пелену.

– А-а-а...

– И тебе следовало о них знать. Ты чем здесь занималась?

– Воро... гуляла.

– Ну-ну... На будущее, Ясь: когда приезжаешь в незнакомую местность, не ленись узнать, чего бояться и как защищаться. Мир полон опасных тайн, и пора бы тебе это понять.

– Так я... Я ж только из ступени, с учебы...

– Я сказал – на будущее. Кстати, а какое у тебя настроение нынче?

– Райден!.. Завидуй молча!

***

– Что *это* такое? – холодные светло-серые глаза смотрели на меня, как на мелкую букашку, по глупости залетевшую в палатку.

– Моя сестра, Ясмилина, – спокойно ответил Райден, незаметно сжав мое плечо повыше локтя.

– И?... – глава похода насмешливо фыркнул, откинувшись на спинку стула и скрестив руки.

Мы с братом переглянулись, и он подмигнул: мол, не теряйся. А я... не просто терялась. Я откровенно боялась сидящего напротив человека. Все представители сумеречной магии крайне самолюбивы, а уж если природа не обделила их силой, выведя на уровень Старшего поколения... Получалось то, что получалось – надменное и напыщенное существо. Райден бы, наверно, тоже таким вырос, но мы с братьями на примерах доказали ему, что это вредно для здоровья. И в нашем обществе он прятал свою надменность куда подальше. А Шхалар нам был не по зубам.

Цепкий немигающий взор не отпускал, изучая меня и выводы делая неутешительные. Я то бледнела, то краснела, но не решалась поднять взгляд и сказать хоть слово. Давно я так себя не стыдилась – за нелепый и незначительный вид, «полосатость» и... И зачем согласилась?..

– Наставник Танар... – начал брат.

– Я уже давно не твой наставник, парень, – резко перебил глава, – и не о тебе речь идет, так что помалкивай! Я жду, что *это* о себе скажет! Ну?

Райдена послушно заткнулся и пихнул меня локтем в бок. Я шмыгнула носом и покосилась на него исподлобья. Он сделал большие глаза. Я неловко отвернулась. Вчерашнее происшествие для брата даром не прошло. Под его левым глазом темнел синяк, правую щеку и нос украшала сеть царапин, на лбу под длинной челкой наливалась шишка. Остальные последствия знакомства с крыльцом скрывали походные штаны и наглухо застегнутая сизая куртка с высоким воротом, вокруг которого вились кольца светлых волос. А ведь я предлагала примочки сделать, так нет же, синяки украшают мужчин...

Я тихо хмыкнула. Пару мы с ним являем ту еще, если вспомнить о моем багряном настроении...

Темная бровь Танара надменно приподнялась, губы сжались в тонкую полоску. Я спрятала расплзающуюся ухмылку и перевела дух. Так, мне не страшно... И ничего пугающего, кроме нашивки мглистого мага Старшего поколения, в главе нет... Я подняла взгляд и посмотрела на своего сурового дознавателя. Широкое лицо с высокими скулами и седина на висках, глубоко посаженные холодные глаза и спадающие на лоб темные пряди волос, старый ожоговый шрам на правой щеке и большие уши. И всё. Ничего страшного.

Я незаметно вцепилась в братово запястье и представилась:

– Ясмилина леер Ат-Нор, Старший род Мглистых сумерек, потомственный вор, пока – в звании практиканта. С отличием окончила учебную ступень гильдии в Хелан-Ханар-Хассине. Мой... прадед – Эйрин леер Ат-Нор, возможно, вы о нем слышали.

Глава похода уставился на меня с толикой интереса и гулко пробасил:

– Ага, вот кого ты мне напоминаешь! Тема работы?

– Тайнописи, – я смутилась.

– С отделения «свиточников»? – уточнил он иронично.

Я кивнула, смутившись еще больше.

Цепкий взор переместился с меня на Райдена и полыхнул гневом:

– И за какой мглой ты *это* сюда привел?!

– Наставник Танар, новый вор нам не помешает, – брат, в отличие от меня, не терялся и настойчиво смотрел на главу: – Мы с начала сезона Пыльной луны здесь торчим, а ни искатели, ни воры так ничего и не обнаружили.

Нет, зря мы это затеяли... Всё равно на магах и искателях стоит такая защита, что ни в мысли к ним не пробьешься, ни пуговку с плаща не стащишь... без вреда для здоровья. Пьяными их в кабаках отлавливать проще.

– Я давно считаю, что нам нужна свежая кровь, и вчера Нитис меня поддержал.

Я наострила уши. Нитис? Двумикий наставник из учебной ступени, нагло укравший мою гениальную тему о совмещении потоков?.. Пожалуй, я здесь ненадолго задержусь...

– Нитис? – переспросил Танар, хмыкнул звучно, да как заорет на всю палатку: – Нитис! А ну дуй сюда, вор недоделанный!

Вздрогнув от неожиданности, я крепче ухватила за руку Райдена, а он и бровью не повел, видимо, к подобному обращению привыкший.

Хлопнул полог, и взгляд Танара переместился за наши спины. Вошедший Нитис небрежно кивнул Райдену, скользнул по мне безразличным взором и вопросительно посмотрел на главу похода. Судя по гильдейской куртке цвета сизой мглы, он здесь в качестве мага, а не вора... А еще очевидно, что он меня не узнал. И нисколько не изменился с момента нашей

последней встречи. Узкое смуглое лицо, раскосые черные глаза, нос горбинкой, темные кудрявые волосы до плеч, тонкие длинные усики.

– Что вы плели про свежую кровь, а? – недружелюбно уставился на двуликого Танар.

Нитис нервным жестом подкрутил ус и сухо заметил:

– У воров забиты потоки, как всегда при большом наплыве работы. Они перестают слышать зов и ощущать ветер. Наша группа уже два сезона работает как проклятая. Люди устали. Нужны новички и лучше из практикантов: да, сил у них не так много, но желания проявить себя хоть отбавляй.

– Устали, говоришь? – поднялся во весь свой немалый рост глава похода. – Я им покажу, мать их, устали! Мало гоняю, бездельников! – и фыркнул сердито: – Устали они! Неженки недобитые! Мокрицы ленивые!

Оба мага терпеливо выслушали яростные вопли Танара, переглянулись, и брат спокойно предложил:

– А давайте проверим? Позвольте Яссмилине пару дней поработать с нами. Если она что-то почувствует – значит, мы правы. И искателей и воров нужно будет добирать из новичков.

А Нитис ничего не сказал. При слове «Яссмилине» он впился в меня долгим взглядом и побледнел. Я радостно ему улыбнулась:

– Добрых сумерек, наставник Нитис! Какая неожиданная встреча!

Двуликий отвернулся и с остервенением защищал свой левый ус. Я ухмыльнулась. Он всё понял правильно. И он в курсе того, что я знаю о его поступке. И все прекрасно помнил – и птичку курлы-курлы, и тень мрака, чуть его не убившую... Планы мести, помимо моей воли, распустились ярким бутоном, расцвели пышным цветком ядовито-желтого сеана. Мне бы немного времени...

– Не думаю, что... – начал Нитис и запнулся.

Глава похода стукнул кулаком по столу и решил:

– Добро! Оставайся. Пять дней тебе. И не подведи братца.

Я робко кивнула.

– А теперь все вон отсюда! И без вас дел до задницы!

Нитис ветром вылетел из палатки вперед нас. Я медленно улыбнулась ему вслед. Ничего-ничего, я до тебя еще доберусь, трусливый слизняк...

***

– День сегодня чудный... – Райден медленно брел по тропинке меж палаток, заложив руки за спину, и глазел на голубое небо.

– Солнышко светит... – я рассеянно поддержала тему разговора, топая рядом.

На ясном небе – ни облачка, и солнце припекало, словно прощаясь. Впереди – два долгих сезона дождей и снегов, на что и намекал холодный ветер, снующий по ущелью. Последнее – длинная и узкая трещина – разделяло две скальные насыпи, напоминающие горки пышных хлебцев. Ни живой растительности, ни зверья. Сплошная пыльная серость, изредка разбавленная желтыми проплешинами сухой травы и коричневыми – глины. А дома наверняка красиво... Деревья, наряженные в желто-красные платья, сиреневые трилистники, цветущие только в Дождливую луну...

– Райден, а никого из наших здесь нет?... – спросила тоскливо.

– Нет, – отозвался брат с сожалением. – Я рекомендовал Язгара, но наставник Танар... не слишком хорошего мнения о нашей семье.

– Почему? – удивилась я.

– Видела его шрам? – он едва заметно улыбнулся и, сморщившись, потер расцарапанную щеку. – Это от Айло. На долгую память.

– Опа... – присвистнула я.

– Танар прежде в ступени работал – и меня обучал, и магов из других ветвей силы, – Райден сощурился на солнце. – И однажды на уроках Айло с ним сцепился. Братцу же палец покажи – сразу в глаз получишь, а наставник никого уважать не привык, тем более мелочь сопливаю, как он нас называл. Только Шхалара, кажется, опасается.

Да, и я его понимаю... Сама сумеречного боюсь. Иногда.

– Айло подождал, когда Танар отведет все положенные занятия, получил зачет по теории сумерек и сразу же напакостил. Как этот проныра ухитрился пробить защиту мага Старшего поколения, обвести его вокруг пальца и выжить после – не знаю. Но с тех пор Танар в учебные ступени ни ногой. Ушел в полевую работу. И терпеть не может наше семейство.

– А я тогда тут как?.. – я недоуменно нахмурилась.

Ну, Айло, змей подзаборный... Мог же и Райдену репутацию испортить...

– Думаю, он знал Эйрина. Или заметил, как ты на Нитиса посмотрела, – брат весело подмигнул. – Танар его тоже терпеть не может, а вынужден.

Я торопливо отвела глаза, но поздно. Заметил.

– Ясь, держи себя в руках, – серьезно попросил Райден. – Не подставляй меня, хорошо?

– Угу.

Да, глупости делать не буду. Ибо «прилипал» на подлого двуликого спускать – детские шалости. А я уже выросла из коротких штанишек. И мсть обдумую серьезно, чтобы не вышло, как с вызовом Синтара.

Мы остановились у серой палатки, и Райден, покосившись на меня, неожиданно смущенно сказал:

– Яськ, я всё хотел тебя познакомить...

– ...с невестой? – рассеянно уточнила я, размышляя о своем. – Да, знаю, Айло разболтал. Познакомишь. Только не сегодня.

Как же Нитиса-то прижать быстро, пока не удрал... А с него станется сбежать: вор – существо трусливое. Даже когда оно наполовину сумеречное.

– Почему?

– А она здесь? – я отвлеклась от планов мести. – Нет, давай не сегодня. Я... не в голосе, – и попятилась. Да-да, я – вор...

– Ясь, да брось! Чего ты боишься-то?

– Да так, ничего...

Всё, наши пути окончательно расходятся... и скоро до меня уже не будет никакого дела. И добро пожаловать во взрослую жизнь. Свои дела, свои... семьи, новые пути и совсем другие заботы...

– Ты... ревнуешь? – спросил Райден осторожно.

Я глубоко вздохнула, набралась смелости, отвернулась и откровенно призналась:

– Да, было дело... Сначала ревновала к учебе и делам гильдии, потом – жутко – к Шхалару, а потом... Потом поняла, что это бессмысленно. Мы с тобой из разных миров: ты – сумрак и будущий глава рода, а я – вор, которого из этого рода пока не выгнали лишь чудом... Да и к роду я принадлежу только по браслету, не по крови. Знаешь, я всегда боролась – и порой нечестными способами – за каждый миг общения с тобой, но всё равно мы... слишком разные. Ты намного старше, давно стал взрослым и нашел свою дорогу, а я... Всё у нас слишком разное. А теперь и жизнь разводит нас в разные стороны. Но ты всегда будешь мне другом и самым лучшим старшим братом. Прошлого не стереть, а в нем ты по-своему любил меня и заботился, как никто другой, хотя знал, что я вам чужая. И я очень ценю это, Райден. Теперь – даже больше, чем прежде. И...

Он неожиданно сгреб меня в охапку, крепко обняв:

– Ясь, прости, я никогда не думал...

– И не надо. «Не думать» – это, наверно, семейное, – я тихо шмыгнула носом, улыбнулась и с напускным безразличием поинтересовалась: – И ты хочешь жениться?

– Особых возражений не имею, – брат пожал плечами.

– Но, Райден!.. – я повернулась в его руках.

– Ясь, так надо, – он сжал мои плечи. – Это ты можешь брыкаться, сопротивляться и делать вид, что не имеешь к роду никакого отношения. А я не могу. Мне однажды придется его возглавить. А значит...

– ...надо чтить традиции, уходящие корнями в глубокий маразм наших прапрапра... – я скорчила рожицу.

– Верно. Но мне еще повезло, – и ухмыльнулся. – Меня не сунули, как тебя, в толпу запуганных, а разрешили выбрать.

Вот как... Конечно, только мне одной всегда... везет. А раз «разрешили выбрать», значит, уже было, из кого? Да, стоит лишь отлучиться из дома, как начинаются... чудеса.

– И кто она?

По разбитой физиономии брата расплылась странная усмешка.

– Азгилия, Средний род Мглистых сумерек.

Я недоверчиво уставилась на Райдена:

– Что? Гиль? Это... это тощее бледное привидение?

Он весело хохотнул:

– А ты давно ее видела-то в последний раз?

Скажем прямо, очень давно. И кончилась последняя наша встреча весьма печально. Разумеется, не для меня. И коли наступило время вспомнить прошлое, то я вспомню. Как мы росли все вместе одной дружной толпой – дети трех мглистых родов. И чем больше нас в компании становилось – тем веселее. Пока Райден не подрос и не уехал в гильдию учиться, а мне без него стало... пусто. А следом уехали остальные братья, и я осталась совсем одна. И компания изменилась, а я в ней – среди обучающихся магов – чувствовала себя лишней и ненужной. У меня не нашлось с ними ни общих дел, ни общих тем.

Да, я злилась, ревновала, но своего добилась, отвадив от братьев лишних друзей-приятелей. Дольше всех держались Шхалар, который был мне не по зубам, и Гиль, которую почему-то было жалко. Может, потому что она одна в семье росла. А может, из-за ее вечно виноватого, извиняющегося и пришибленного вида. Но моя жалость сошла на нет, когда на празднике середины Пыльной луны она начала строить Райдену глазки. Я потерпела, посопела и сломалась. Гиль покинула праздник со слезами, в разодранном платье и с зелеными пятнами на коже лица и рук. Больше она мне на глаза не попадалась, а Райден потом первый раз в жизни на меня наорал. Тогда – не помогло. А теперь... Оказывается, у меня есть совесть. От воспоминаний стало стыдно.

– Интересно, она сильно на меня злится? – тоскливо спросила в никуда.

– Не думаю, – брат рассмеялся, – смысл сердиться на...

– ...недоразумение? – дополнила я уныло. Вывернулась из его обнимающих рук и попятилась: – Нет, ты не подумай ничего, но я не... – и повернулась, чтобы задать стрекоча, но... – Райден!.. Пусти! А ну, отпусти!..

– Гиль! – завопил он на всё ущелье, обхватив меня со спины и легко подняв в воздух.

– Пну же по больному! – я безуспешно пыталась извернуться. – Отпусти-и-и!.. – и сердито засучила ногами.

– Гиль! – надрывался Райден. – Мы здесь! Привел, как и обещал!

– Ах, обещал?.. А я?.. А мне сказать?.. – обиделась я. – Ра... – и замолчала, запнувшись и замерев.

Из-за палатки поспешно вышла совершенно незнакомая девушка. От бледного, тощего и пришибленного привидения не осталось и следа. Искрящие весельем голубые глаза и небрежно

переброшенная через плечо толстая и пушистая темно-рыжая коса, ямочки на щеках и добрая улыбка, гордый разворот хрупких плеч и скрытое достоинство в каждом движении. Я насупилась, с досадой вспоминая о своем багряном настроении и заплатанных Эйриновых штанах. Гадость сделала – гадостью в ответ и получила...

Гиль, придерживая длинную юбку вишневого платья, остановилась, не дойдя до нас несколько шагов, и ахнула:

– Райден!.. Кто тебя так?..

Брат поспешно выставил меня перед собой, удерживая за плечи:

– Это... Ясси.

Эй, это обвинение или знакомство?

Теперь она с не меньшим сочувствием смотрела уже на меня:

– Ясси? А тебя кто?..

– Собственная глупость, – признала мрачно.

Райден засмеялся. Гиль улыбнулась, запахиваясь от ветра в гильдейский сизый плащ, на высоком вороте которого я рассмотрела серебряную нашивку Среднего поколения магии мглистых сумерек. Уже?.. Она же меня старше ненамного, ей едва ли двадцать пять!.. А уже Среднее... Я шмыгнула носом и строго запретила себе завидовать. Каждому свое... Но в ответ на ее, кажется, искреннюю улыбку я едва смогла изобразить свою – кривую и полную досады.

– Пообедаем вместе? – предложила Гиль просто.

– Только быстро, еще работы навалом, – наконец вспомнил о насущном Райден. – Ясь, идем. Ты пробовала местное блюдо – триш-наш?

– Кого как? – переспросила я.

– Вот и узнаешь, – он обнял меня за плечи, вторую руку протянув Гиль.

Так, гадость, ты где? Выходи, мне без тебя никак...

***

Триш-наш понравился необычайно. Оказывается, это обычное мясо, приготовленное в горшочках с овощами и пряными травами, в меру острое и безмерно вкусное. После вечерней встряски я чувствовала себя неважно и есть с утра не хотела, а потом Райден потащил меня к главе похода, и я снова не успела перекусить. И теперь самозабвенно уплетала за обе щеки вторую порцию, с грустью размышляя о том, что третью, пожалуй, не осилю.

Мои спутники внимания на меня не обращали. Судя по мутным взглядам, они с головой ушли в мыслесвязь, а судя по довольным улыбкам, обсуждали что-то приятное. Я повертела в руках вилку и с сожалением опустила ее в горшочек. И на любимое развлечение – пугать магов во время мысленного разговора – не решилась. Не до меня им, и надобно с этим смириться... как бы обидно ни было. Хотя обидно было. Очень. Руки так и чесались гадость сделать. Или съесть.

Выудив кусочек мяса, я задумчиво окунула его в подливку и повозила по плошке. И вздохнула. Кому – любовь, а кому – решать загадки творца да выживать в этой малопонятной истории...

– Ясь, ты за что Нитиса невзлюбила?

Я рассеянно подняла взгляд на Райдена:

– А?..

– Чем тебе Нитис не угодил? – повторил он терпеливо, придвигая к себе кружку с чаем.

– Ай... – я скривилась. – Будь другом, не порти аппетит, а? – и мрачно зажевала мясо.

– А поподробней?

Вот настырный...

– Он стащил мою тему для работы на Младшее поколение, – ответила со вздохом, отлавливая в бульоне следующий кусок. – И с рук ему это не сойдет.

Райден помолчал, глядя мимо меня, и невинно осведомился:

– Пострадавших много будет?

Я поперхнулась непрожеванным куском и глянула сердито:

– Ты за кого меня принимаешь?

– Да так... – он улыбнулся. – Сватовство почему-то вспомнилось.

Я вернула ему хитрую улыбку:

– Не волнуйся, тебя не трону. И прибирать за мной, как раньше, не придется. Но этот двуликий близнец попляшет... – и с ожесточением воткнула вилку в мясо, едва не расплескав бульон.

Брат хмыкнул многозначительно, а Гиль почему-то побледнела. Видимо, еще не поняла, что почти вошла в семью, а своих я не обижаю... до поры до времени. Я снова углубилась в отлов мяса. Настроение стремительно поднималось к ясному небу. Кажется, дело вовсе не в знакомстве незапланированном, и не в Эйриновых штанах... Кажется, я давно вкусно не ела.

– Подождите-ка... – Райден, снова посмотрев мимо меня, встал и, обогнув стол, устремился к выходу.

Я обернулась. Брат уже у двери нагнал Шхалара, хлопнул его по плечу и о чем-то спросил. Или что-то сказал. Сумеречный в ответ рассеянно кивнул и быстро вышел наружу. Он что, обедал рядом? И без нас? Да что с ним творится-то?..

– Ничего не понимаю... – Райден вернулся за стол, сел и ссутулился. – Он сам на себя не похож с тех пор, как мы здесь.

Гиль облокотилась о стол и, грея в ладонях кружку, тихо предположила:

– Может, у него неприятности... личные?

– Вряд ли... – брат поморщился и тоже потянулся за чаем. – У него же нет ни друзей, ни родных... Никого, кроме нас.

Я в сомнении изучила пустой горшочек, не нашла ничего съедобного, вздохнула, посмотрела в окно и заметила:

– Наверно, он иссякает. Или перерождается.

А за окном шумела жизнь. Сквозь рваную дымку красного марева сновали люди, спеша по делам и оглашая узкую улицу то приветственными криками, то суматошной руганью. А в кабаке семь столиков, расставленных по кругу, пустовало. Но с закатными сумерками, думается, здесь яблоку будет негде упасть, зато опустеют улицы и...

– Иссякает?

– Перерождается?

Я посмотрела на своих собеседников. На лицах – одинаковое выражение полнейшего недоумения. Я подняла брови:

– Вы что, ничего не знаете об источниках силы? Вы же маги.

– Мы практики, – заявили в один голос гордо.

Быстро же спелись...

– Ну и что? – возразила я. – А я... Да, я «свиточница» мшистая. Но это не мешает мне работать с потоками.

– Ясь, не томи, – попросил Райден, наклоняясь через стол. – Выкладывай, что знаешь.

– Источники магии не вечны, впрочем, как и всё в нашем мире, – я снова посмотрела в окно, наблюдая за серой кошкой, которая жалась к дальней стене дома и настороженно следила за ногами прохожих. – Со временем источники теряют свою силу и иссякают, чтобы однажды исчезнуть. А магическое место пусто не бывает... – я заинтересованно привстала, когда кошка попыталась атаковать неугодный ботинок.

– И?... – спросил брат многозначительно.

Кошка увернулась от смачного пинка и с тихим мявом рванула вниз по улице. Я снова села и посмотрела на ребят.

– Если источник слабый, то он иссякает – высыхает, как лужа под палящим солнцем, и исчезает бесследно. А если мощный, то остаточная магия места притянет новый поток силы – или того же порядка, что и бывший источник, или родственной. Уход старой силы и появление новой называют перерождением. И источник новой силы называют переродившимся.

Настырное животное, сделав круг по улице, снова вернулось на прежнее место. И зря, здесь столько народу скоро будет, что затопчут...

– Думаешь, и человека это касается? – Райден озадаченно потер синяк на скуле и скринулся.

– Шхал – не только человек, – заметила я. – Он еще и источник. И живет по иным, чем обычные люди, законам мироздания и круговорота магии. И изменить этот порядок не способен никто. И если он начал иссякать или перерождаться, то...

Недосказанные слова повисли в воздухе. Иссякнет источник – исчезнет и его носитель, останется лишь пустая оболочка, которую быстро приберет к рукам жадная Вечность. Или – новая сила. А уцелеет ли при этом дух...

Райден опустил голову и задумчиво засопел.

– Извини, – добавила я тихо, – он тебе друг, но...

– А тебе? – брат пронизательно взглянул на меня, и я невольно поежилась.

– А меня он с ума сводит, – призналась честно. – И я до сих пор не знаю, что лучше, – когда он рядом или когда... подальше.

Райден улыбнулся и тоже посмотрел в окно, чтобы после одним глотком допить чай и встать из-за стола.

– Нет, найду его и поговорю. Снова. Нельзя его одного бросать. Гиль?

Гиль, давно выпавшая из нашего разговора, молча кивнула и тоже встала.

– Ясь?

– Не, я еще тут побуду, – и с вождением посмотрела на закрытые двери кухни, откуда сквозняк выносил умопомрачительные запахи триш-наша.

Брат хмыкнул, помогая Гиль надеть плащ:

– Смотри, не лопни.

– Ой, напугал рыбу водой, – я с удовольствием вытянула ноги.

– Мы всегда здесь обедаем и ужинаем, – тихо сказала Гиль. – На закате будем ждать.

Придешь?

А вот манера ее общения не изменилась: по-прежнему тихо бурчит себе под нос, словно помешать боится, да молчит, не влезая в разговор...

– Если успею, то успею, – я полезла в сумку за шивкой, – но запомню... И, Гиль, проследи, чтобы этот ненормальный подлечился, ладно? Мне в руки он не дается, змей. И нечего так улыбаться!.. – я сурово посмотрела на Райдена. – Видеть твою побитую физиономию не могу!

– А-а-а, стыдно? – весело фыркнул он, надевая куртку.

– Вот еще! Это же не я!.. Вернее... не совсем я.

– К ужину приведу его в порядок, – пообещала Гиль.

Дверь тихо скрипнула, закрываясь, и я снова уставилась в окно, наблюдая, как они рука об руку проходят неспешно по улице, ведущей к спуску в ущелье. Ну, хоть у кого-то жизнь складывается не так, как у меня... Тьфу, ветер... Только не расклеиваться... Хватит с меня тоски-печали. Пора за работу.

***

В горах темнеет быстро. Кажется, только что ярко-оранжевое солнце сияло над кромкой гор, раскрашивая угрюмое ущелье в оттенки темного золота, но прошло мгновение, и оно нырнуло в туманную дымку, а со скалистых вершин вниз пополз сумрак. И местность быстро

погружалась во тьму, в которой гасли последние багряные всполохи, мерцающие на боках грозных туч.

Я одиноко сидела на скальном выступе над ущельем. Ежилась на ветру, куталась в походное одеяло и размышляла о насущном. О том неизвестном, что здесь напряженно искали второй лунный сезон лучшие из лучших. В группу меня приняли лишь на словах, и в курс дела никто не ввел. Райден ограничился невнятными отговорками, а глава похода откровенно послал. Лишь Гиль, мимо проходя, шепнула, что они ничего толком не знают. Маги будоражат горы и роют носом землю, а искатели на пару с ворами шарахаются по округе и ждут, когда их «торкнет».

В итоге я пришла к однозначным выводам: здесь ищут то, что искать запрещено. Пользуясь, вероятно, пропажей правящих гильдиями верхушек. И, скорее всего, ради них. Судя по сплетням, которых я наслушалась, шныряя у палаток, исчезновения продолжались, а пропажи не находились. А напуганные и загнанные в угол люди способны пойти против установленных правил. Советы Старших избирались не только номинально, они являлись хранителями знаний, недоступных непосвященным. Вместе с ними гильдии теряли и прежнюю силу. И ради них готовы были нарушать любые запреты.

Я задумчиво посмотрела вниз. Мне тоже приходилось ждать этого загадочного «торкнет». И я неприкаянной тенью бродила по окрестностям в гордом одиночестве, хотя так и подмывало отловить брата и с пристрастием его допросить. О цели поисков. О пропажах в гильдии. О прабабушкиных видениях и предсказаниях. Но не складывалось. Райден был очень занят, а в краткие моменты встреч я не знала, с чего начать допрос, терялась и упускала возможность за возможностью. И оставалось только ждать.

И я ждала. И думала. О том странном, что нельзя искать. И о том, что подобные запрещенные для изучения области существовали повсеместно.

В горах Ярости на материке Второго обитала какая-то мерзость, перекрывающая любые перевалы и безвозвратно поглощающая любопытных смельчаков. На одном из островов Рассвета находилось Стылое озеро, всегда покрытое прозрачным голубым льдом и окруженное, даже в жару, снежными спиралевидными наростами. Побывавшие на озере смельчаки сначала рассказывали, что в его глубинах горят красные огни, после теряли память и вскоре загадочно умирали. А на острове Туманного архипелага со времен Изначальности находилось Хмарное болото. С виду – обычная топь: кочки, тухлая вода да плешивые кустики. Но те, кто вырывался из плена болотной хмари, завидовали мертвым. Свихнувшиеся «счастливчики» без умолку лопотали о жутких тварях, об ушедших в Вечность людях и, в конце концов, накладывали на себя руки.

Казалось, сама душа мира предупреждала – не подходите, не ищите, не трогайте и целее будете. И желающих исследовать опасные места находилось мало. Но они находились. Ибо легенды вещали об артефактах эпохи Великой – и созданных руками самой Великой, – что хранили эти страшные места. И всегда находились смельчаки, готовые рискнуть ради призрачных сокровищ. Находились – и пропадали бесследно.

Зябко съезжившись, я с опаской поглазела по сторонам. В сизом полумраке едва заметно чернели крутые склоны гор, и между ними мерцал многочисленными светляками походный городок искателей. Узкие и вытянутые тени палаток, снующие вдоль отвесной скалы, трепетали под резкими порывами ветра. Последний, сырой и холодный, срывал с горных выступов шелестящие камешки и доносил до меня эхо людских голосов.

Я плотнее закуталась в одеяло. Если верить легендам... то не стоит мне сидеть здесь одной. Да, шипастые твари до ущелья не добирались, но мало ли вокруг другой гадости?.. Но я вздыхала, смотрела вниз, мерзла, а уходить не торопилась. Ощущение опасности пока молчало, страх не высовывал наружу нос, а значит, можно задержаться. Здесь, в тишине, насквозь про-

питанной сыростью дождя, сумраком ночи и свистом ветра, очень хорошо думалось. Стоило закрыть глаза – и мысли текли ровным и спокойным потоком сознания. Чем я и пользовалась.

Итак. Возвращаясь к насущному. То бишь к опасным местам. Я долго рылась в собственных знаниях, но загадку ущелья пока не разгадала. Зато вспомнила еще об одной древней легенде – о блуждающих странностях. Испокон эпох так назывались природные образования или строения, которые всплывали в самых неожиданных местах и сулили беду. Таковым, например, было ущелье Обмана. С виду – обычное ущелье, но шаг в сторону – и путник летит в пропасть, шаг в другую – и на чью-нибудь макушку падает обломок скалы. И магия в таких местах не работала – ни порталы, ни заклятья. И, собрав кровавую жатву, ущелье перебиралось в другое место, кочуя с островов на материки и обратно, следуя ему одному известными путями.

Всего блуждающих странностей в мире было около десяти, и в них также запрещалось проводить поиски – дабы не губить народ почем зря. И одно я понимала – ущельем Обмана здесь и не пахнет, иначе группа не продержалась бы так долго. А что остается? Я задумчиво поправила одеяло и уткнулась подбородком в колени. Остаются Красное озеро, лес Сумрака, чертоги Сна, Воющая башня, Огненные топи, Гиблая деревня, Плавающее подземелье, Шепчущие пещеры и врата Неизбежности. И что именно скрывает ущелье... Я не знала. И боялась предположить. Потому как эти странности известны лишь благодаря немногим выжившим. А сколько людей сгинуло в неизвестности – в поисках все тех же легендарных сокровищ? А сколько новых странностей было обнаружено, но осталось сокрыто туманом смертей?.. Вопросы без ответов.

Кстати, об ответах... Можно же пошурудить в головах искателей... Вдруг кто-то что-то знает, но молчит, ибо глава похода запретил распространяться?.. Почему запретил? А кто добровольно пойдет в руки Вечности ради тех, кого уже, вероятно, и на свете-то нет? Да, а вдруг есть знающие?.. Конечно, пропавших людей здесь не найдут, но если ищут именно их (или все же артефакты Великой), то... Ищут дорогу к Ариштанару. Или – первогород и есть та самая блуждающая странность, кто знает... И я готова поспорить на собственное наследство, что все гильдейские верхушки спят мирным сном – в пространственном «мешке», под крылом города-оберега. Но про странность надобно разузнать.

Свернув одеяло, я встала и ту же затянула шнуровку плаща. Туманные сумерки давно спустились с гор, и им на смену пришла ночная мгла. Я накинула на голову капюшон. Работа в группе и месть Нитису не отменяют основной задачи – поиска сундучков. Пора на охоту – за тайнописью искателей.

Выудив из потока нить захвата цели, я представила булыжник на мостовой, ухватила за него, переместилась на окраину города и огляделась в поисках жертвы, когда в висках предательски засвербела боль.

«Ясь, ты где? В городе или в лагере?».

– В городе, – буркнула, морщась.

Голоса при мыслесвязи у всех одинаковые – безжизненные, искаженные и далекие, словно горное эхо, но я давно наострилась определять личность говорившего по характерным очагам головной боли. Когда со мной связывался Айло, ныл лоб, когда Шхалар – затылок, зов мамы стучался в макушку, а Райдена – в виски. Не знаю, почему связь так проявляется... Вероятно, однажды я возьмусь за исследование этого случая.

«Танар рвет и мечет. Требуется результата и грозит всем страшной смертью. Не появляйся завтра в лагере раньше полудня, поняла? После обеда он уедет на пару дней в гильдию, и у нас будет время».

– Хорошо, – я растерянно моргнула. – Но я-то причем?..

«А на кого он понадеялся?».

– С твоей подачи, – я скривилась. Боль расходилась от висков кругами воды, в которую швырнули камень.

«Если налетит и начнет орать – я буду рядом, только предупреди», – пообещал Райден.

– Угу... – в глазах потемнело, и я невольно присела на низкий парапет. – А теперь уйди, а?... И в следующий раз пиши письма, я доступна для обычной связи.

«Извини», – покался брат.

Я перевела дух. Боль унялась, и вместо ее темноты меня вновь окружил магический туман. Сквозь багряную мглу темными силуэтами проступали дома и едва заметно мерцали огоньки уличных светляков. Так, мне к центральной улице – и в кабак... Я сползла с парапета, который отделял Клес-Леер от ущелья, и, сунув руки в карманы плаща, задумчиво побрела к кабаку. Сообщение Райдена, мягко говоря, не порадовало. Я же крайней, как всегда, окажусь, случись что... не так.

До кабака я не дошла. Едва обнаружила поворот, уводящий от парапета к центру города, как из-за него на меня выкатилось нечто темное, объемное и бесформенное. Вернее, не выкатилось. А скатилось. Клес-Леер был выстроен на неровном холме, и его немногочисленные улочки от ущелья вводили вверх, а из города к парапету – соответственно, вниз. И некто, очень спешащий по делам, не рассчитал крутизну склона.

Я едва успела отпрянуть в сторону. Споткнулась о грубую брусчатку и шлепнулась на пятую точку, больно стукнувшись затылком о парапет. В голове взорвался комок света. Моргая, я уставилась на искрящийся туман, а рядом разразился цветастой бранью неизвестный, видимо, тоже близко познакомившись с парапетом. Принесла же нелегкая...

С некоторых пор лечебные зелья я всегда держала под рукой. И, молча поблагодарив себя за предусмотрительность, быстро нащупала в кармане сумки заветную бутылку. Мое сногшибательное несчастье, заткнувшись на середине очередного словесного оборота, тихо охнуло, нутужно посопело, повозилось и... захрапело. Выпив лекарство и оклемавшись, я встала, оправила плащ и с любопытством посмотрела на неизвестного.

В дрожащем сиянии уличных светляков, снующих над парапетом, на брусчатке мостовой, раскинув руки-ноги и выпятив внушительное пузо, дрых искатель. Я присела на корточки, сквозь багряное марево изучая свою жертву. Немолодое лицо с сетью морщин, короткие темные волосы, залысины у висков, нос картошкой, длинные усы, дрожащие от мощного храпа. И – самое главное. На воротнике расстегнутого плаща мерцал большой серебряный узел – Среднее поколение. Мне повезло!

Я встала и потерла руки. Воровать мысли меня никто не учил, но я много об этом читала и наблюдала за тренировками учеников в ступени. А применить на практике не так уж и сложно. Куда сложнее красть душу или силу. Кстати, по одной из легенд, именно так появились первые двуликие и Перекрестки. Природа предопределила для каждого человека один путь, но воры, достигая высшего порога мастерства, наловчились красть чужую силу, становясь сначала двуликими, а потом и Перекрестками. О том, что случалось с обворованными людьми, легенды умалчивают, зато утверждают, что украденные способности навсегда оставались при ворах и после передавались их потомкам. И, вероятно, в этом есть своя доля истины.

Нашупав нужный поток, я пустила его в полет, и тонкая пористая нить, помедлив, обвила голову спящего искателя, от подбородка до лба, натянулась и медленно начала таять, пробираясь под кожу. Незнакомец конвульсивно дернулся, и нить натянулась, предательски дрогнув. Я выпустила вторую, проворно нырнувшую в приоткрытый рот. Искатель невнятно выругался, замолчал и прекратил сопротивление. И я позволила своему сознанию покинуть тело, следуя за первой нитью в глубины памяти.

Сначала погружение в чужой разум неприятно. В ушах звучат незнакомые голоса, перед глазами проносятся осколки лиц и обрывки незнакомых картин. Словно засыпаешь в беспокойстве и, нервно ворочаясь с боку на бок, то погружаешься в дрему, то вынырываешь на поверх-

ность меж сном и явью, и эти метания, порождая вереницы картин, меняют их с сумасшедшей быстротой. И тьма стирает чужие лица, растворяется в ярком свете, озаряющем склоны гор, на которых сначала появляются странные надписи корявым почерком – и чей-то голос громко читает их вслух, добавляя про себя несколько слов. А после горы проваливаются под землю, и ты – вместе с ними. И уже сидишь за столом и читаешь чужими глазами странные свитки или пишешь чужой рукой, переживая те же чувства, которые некогда переживал владелец воспоминаний. И так – до бесконечности.

Воры мастеровитые, говорят, могут сразу находить в чужой памяти нужное, забирать и сбегать, но я так не умела. У меня едва получалось задавать нитям поиска цель. К тому же я боялась не рассчитать силу и прихватить с собой часть чужой памяти. У меня же все... не так. А случаи двойных краж, когда одна – целенаправленная, а вторая – случайная, – не редкость среди новичков. Очень сложно искать конкретную цель, когда на тебя обрушивается мощь чужого разума. Поэтому я предпочитала находить нужное и запоминать.

Тайнописей я нашла аж семь штук. Искатель, похоже, не один сезон провел в хранилищах, и нить поиска привела меня в подобие узкой длинной башни, битком набитой знаниями. Привела, пометалась обреченно меж бесконечных полок и сникла. Пришлось изучать горы свитков и сшивок. Перед моим мысленным взором мелькали схемы и планы незнакомых строений, любовные письма, заметки-закорючки и много чего еще. Я в подробности не вникала. Перебрала листы, отметила нужное и с облегчением покинула чужой разум. Ухватила за вторую нить и вернулась.

Смотав нити, я села на парапет и несколько долгих мгновений приходила в себя. Нет, точно, словно лишнюю жизнь проживаешь... Перед глазами еще долго мельтешили пятна чужих лиц, а в ушах звучали десятки слитых в единый гул голосов. А искатель продолжать храпеть, как ни в чем не бывало. Кстати, надо бы его определить куда-нибудь, не бросать же здесь...

Придя в себя, я вытащила из поясного кармана завешание, прочитала заклинание и попросила:

- Энс? Эмс? Ребят, помощь нужна!
- Убить кого? – высунулась из портала одна рыжая макушка.
- Или так, поржать? – поинтересовался второй, отпихивая братца.
- Нет, человека одного доставить в лагерь, – и я указала на искателя.
- Фу-у-у! – заныли дружно оба.

Тот продолжил заливисто храпеть на всю улицу.

– Слышь, радужная, – первый братец глянул на меня с подозрением, – а ты после своих грязных делишек следы-то заметаешь?

Я невольно посмотрела на нити поиска цели, которые по-прежнему сжимала в кулаке. Тьфу, постоянно забываю... Заклятья практикантов замечания следов не требуют, они столь слабы, что сразу распадаются после использования. А все, что сильнее, – то требует. Я быстро вытянула использованные нити, наматывая их на руку, резко оторвала от потока и пустила по ветру.

- Так-то лучше, – дружно одобрили братцы.

Я устало улыбнулась в ответ. Пожалуй, мне пора спать...

- А этого куда нести-то?

Обернувшись к ущелью, я махнула рукой на огни лагеря:

– Туда. И лучше бы вам невидимками стать. Заметят незнакомцев, пристанут с вопросами...

Близнецы дружно кивнули, перемахнули через парапет и плавно устремились вниз. Я посмотрела им вслед и фыркнула. Рыжие-то невидимками стали, а вот искатель – нет. И тучное

тело, покачиваясь, летело по воздуху под чужое недружелюбное сопение и собственный храп, а по его пятам важно следовала внушительная сумка.

Улыбаясь, я сползла с парапета и под накрапывающим дождем поплелась к своему постоялому двору. Итого – двенадцать искательских тайнописей. Для ключа хватит. И с утра им займусь, раз в лагере меня не ждут. А где ключ – там и разгаданный символ, и название местности, и третий сундучок. И еще один шаг к завершению «прадедовых» дел.

Накинув капюшон, я сунула руки в карманы плаща, нащупав сферу с Зякой. Эйрин посоветовал поддержать его в спячке подольше, а в идеале крылан должен проснуться сам. И пусть отдыхает. И Эйрин, похоже, тоже ушел в глубокую спячку – давно не отзывается на мои оклики и молчит подозрительно. Да и ладно: меньше от него узнаю – меньше путаюсь. А ключ из искательских тайнописей соберу – смогу двигаться дальше.

Устала топтаться здесь в вечно багряном настроении и глупом ожидании того, когда меня наконец «торкнет».

***

Следующий день начался с неожиданностей. Да, стоит заранее расписать план действий, и он обязательно пойдет прахом – отрезая пути к намеченным целям и вынуждая отказываться от задуманного, полагаться на шаткую спонтанность. И начался странный день ночью.

Обняв подушку, я досматривала глупый сон. Прыгая по поляне, я ловила разноцветные символы, найденные недавно в подземье башни. И настойчиво пыталась вывести из их переплетения ключ к тайнописи искателей, но символы то таяли в воздухе, то выскальзывали из моих рук. Я разочарованно ругалась, но попыток не оставляла. И когда в моих руках оказался зеленый треугольник, пронзенный молнией, меня... окликнули. В тихом шорохе ветвей, перебираемых ветром, в шелесте травы и шепоте дождя так явственно звучало мое имя, что я выронила свою добычу, обернулась и... проснулась.

Сев на постели, я недоуменно уставилась в окно. По стеклу струились мутные потоки воды, над крышами гуляли отголоски грома. По ощущениям – середина ночи. И ничего необычного. Я улеглась, снова обняла подушку и закрыла глаза. И, проваливаясь в вязкую дремоту, вновь *услышала*. Дождевые капли стучались в крышу, бились в окно и... говорили. Окликали. Звали по имени. Я опять села, держа в руках подушку, и посмотрела в окно. Ветер размазывал по темному стеклу дождевые струи, и водяные разводы складывались в буквы, а буквы – в слово. «Ясмилина». В мое имя. А после буквы свились в изображение радуги – в мой родовой символ с браслета, о котором знала только семья.

Завернувшись в одеяло, я сползла с постели и нерешительно подошла к окну. Дождь лил как из ведра. Мелькнул седой отблеск молнии, и сонную тишину разорвал громовой раскат. И завопил над крышей ветер, влажным сквозняком просачиваясь в щели, снова и снова повторяя как зачарованный свистящее «Яс-с-с-с...». И всё мое существо, вздрогнув, потянулось за ветром, за его зовом. И перед закрытыми глазами промелькнули расплывчатые картины – ущелье, толща серой скалы, переходы и лабиринты, спутанные в тугой узел подземелья...

Закрыв глаза, я упивалась неожиданной силой зова. И снова слышала только ветер, смотрела на мир его глазами. А он манил, уводя за собой, обещая новые знания и разгадки старых секретов. И картины... может, это и есть язык ветра? Он, говоря, показывает?.. А я... я его понимаю. И если разберусь в тайнописи Изначальности, то смогу... управлять собственным зовом, задавать вопросы и получать ответы?.. Ведь я уже его понимаю, надо лишь узнать, понимает ли он меня... И нужна тайнопись Изначальности – первая, из которой и появились ремесленно-магические. От ветвей – к корню, а половину «кроны» я так «случайно» нашла в подземье башни...

Я едва не поддалась зову, едва не позволила себе унести прочь... Отвлек глухой шум снаружи. Здание постоянного двора вздрогнуло, затрещали жалобно деревянные балки потолка.

И зов ветра недовольно зашумел, затихая. Я разочарованно нахмурилась. Пойду-ка я отсюда... Кто знает, что разбудили маги, ломая скалы...

Переодеться и собрать сумку – дело нескольких мгновений. Наклонившись к рукомою-нику, я плеснула в лицо ледяной водой, прогоняя остатки сна. Судя по сгустившимся темным сумеркам, до рассвета еще далеко... В коридоре заголосили разбуженные постояльцы, по прогнувшемуся потолку разбежались хвосты трещин. Пора убираться на окраину, подальше от растревоженного ущелья...

Я завернулась в плащ, перекинула через плечо сумку и порталом завещания переместилась в ту чайную, где недавно пряталась от магической бури. И нос к носу столкнулась с неожиданным припозднившимся посетителем.

– О, Шхал... – я растерянно моргнула. – А что ты здесь делаешь? И почему не в ущелье?

– А ты? – хмуро буркнул сумеречный, созерцая размазанные по стеклу потоки дождя.

– Жду зова, – я решила не навязываться и положила сумку на соседний столик.

Он промолчал, по-прежнему таращась в окно и, судя по отсутствующему взгляду, пребывая в своем собственном «нигде». И пускай там остается, мне же проще... Больше, кроме нас, здесь никого нет, отголоски магических опытов почти не беспокоят, значит можно подумать. Вернее, кое-что проверить.

Я сняла плащ, села к Шхалару спиной и выудила из сумки сшивку. Неважно мы с ним расстались в прошлый раз, и сейчас неважно встретились... Всё как обычно. Кроме того, что защиты в девять шагов между нами как не было со времен пустоши, так и нет. Куда исчезла?.. А ведь должна быть. Райден – и тот под защитой. Или Шхалар, во избежание известных неприятностей, тоже перешел на амулеты, сняв с ауры природную защиту от воров?..

Развернув сшивку, я перебрала вложенные в нее листы. И, кожей чувствуя нервирующее сумеречное присутствие, поняла, что, несмотря на недавнее спасение, я ни о чем не забыла и ничего не простила. Не забыла о помощи в нахождении потоков и не простила подставу с упущенной темой. И одно никак не могло перевесить другое, оставляя меня в положении выбора. А значит, общение опять будет зависеть от его поступков и отношения ко мне. Начнет издеваться – ошечинюсь, решит помочь – снова глупо влюблюсь. Я рядом с ним – как зеркало, и наши «отражающие» отношения сложились изначально и тянутся всю жизнь. Я нахмурилась. Не о том думаю... Так, где-то здесь должен быть свиток с моим предсказанием...

Предсказание издавна было частью работы. Перед началом серьезных дел люди хотели знать, что их ждет. И когда артефактологи придумали свитки предсказаний, ими начали пользоваться повсеместно. Вот и я сразу же после разговора с главой похода получила свой свиток, но пока он упорно молчал. Я по пять раз на дню разворачивала его, но видела лишь сухую желтизну пустого листа. Но раз меня наконец «торкнуло», может, и предсказание появится?..

Я раскрыла сшивку там, где лежал свиток, мельком глянула на тайнописи башни, и осторожно развернула свое предсказание. Ничего... Опять. Положила свиток на стол, достала из сумки кружку и глотнула чая. До зова я чем-то полезным заняться собиралась... Вытянула ноги, откинулась на спинку стула и задумчиво уставилась в потолок. Гром гремел не переставая, заглушая шорох дождя, и эхом проносился над ущельем. Так, если не обращать внимания на сумеречного, который привычно нервировал своим присутствием, то...

От легкого дуновения ветра качнулись пучки трав, и на потолке появилось размытое пятно света. Я поспешно выпрямилась. Свиток с предсказанием мерцал седым лунным светом, и по листу с тихим шуршанием струилась вязь слов. То, что открывает магия артефактологов, всегда сбывается... Я расправила мятые уголки свитка, вчитываясь в написанное.

Время застынет в осколках сна.

Мир измеряя размахом крыльев,

Трудно и больно забыть себя

И из легенды воспрянуть былью.

*...Там, где становятся явью мечты,
Вспыхнут огни.*

Я хмыкнула. Заманчивое место... Там, где сбываются мечты и оживают легенды... Надеюсь, это не об Ариштанаре сказано... И снова углубилась в чтение, с трудом разбирая корявый почерк неизвестного писца.

*С кровью туман. И загадок цепь
Тропкой под ноги ложится тонкой.
Там, где рассудок бывает слеп,
Силою веры крыла наполни.
...Там, где возврат не замел следы,
Вспыхнут огни.*

Опять огни какие-то... И туман кровавый, местный... Кажется, не зря мне настроение крови померещилось, тьфу-тьфу-тьфу... Так, что там дальше?

*С кровью луна. И уходит в сон
То, что питало основы власти,
Ветер рвет душу стальным клинком
И по живому кроит на части.
...Там, где затихнут мертвых шаги,
Вспыхнут огни.*

Не нравится мне все это. Очень не нравится... Я потеряла край свитка, уцепившись за одну фразу. «То, что питало основы власти...». Кажется, она может ответить на важный вопрос, если я сумею его верно сформулировать... Положив свиток на стол и свернув верхушку листа, я продолжила чтение.

*С кровью закат. И дорога ждет.
Снова тонуть в бесконечно-алом.
Мрачная тяжесть чужих оков
Жизнью и смертью не даром станет.
...Там, где ветрам удалось пройти,
Вспыхнут огни.*

Ой, не люблю я такие намеки, особенно если они связаны с очевидными событиями... «Там, где ветрам удалось, пройти» – это точно Ариштанар, через который прошел Эйрин, разбудив первогород. И огни, опять огни...

*С кровью глаза. Одиночкой быть.
И за себя неустанно драться.
Там, где надежды порвется нить,
Вере позволить внутри остаться.
...Там, где сумеешь себя спасти,
Вспыхнут огни.*

Перечитывая отдельные фразы, я попыталась вникнуть в их загадочный смысл. Почти ничего не поняла, расстроилась, шмыгнула носом, потянулась за кружкой, отвлеклась и только тогда заметила – читала я не одна. Шхалар, подкравшись и незаметно склонившись над моим левым плечом, переводил задумчивый взгляд со свитка на сшивку и обратно.

Я не придумала ничего лучше, кроме как спросить:

– Понял хоть что-нибудь?

Он нахмурился, и вместо ответа я услышала вопрос:

– Где ты это взяла? – и он выразительно кивнул на сшивку.

– В наследство же досталось... – отозвалась удивленно.

– Я имею в виду символы, – Шхалар склонился ниже, опершись рукой о стол, всматриваясь в мои каракули. Холодное дыхание коснулось моей щеки. Холодное?.. Нет, ледяное.

– В башне на окраине. Ну, там где... – я запнулась.

В сизых глазах разгорался странный огонь. Казалось, он видит сшивку насквозь и читает все скрытые записи. Зачем? Да кто ж его разберет... Я отвернулась, чувствуя себя неудобно и краем глаза отмечая снующие по листам сизые искры. Каким же жутким холодом от него тянет...

– Ты понимаешь, что это за находка? – вопрос застал врасплох.

– Думаю, да, – ответила осторожно.

– Я понятия не имею, о чем ты думаешь, Ясмилинка, – сухо заметил сумеречный, – и твои мысли читать не умею.

Я насупилась и тихо пояснила:

– Это тайнопись Изначальности. Сама первая, придуманная ремесленниками, своя для каждого пути, – и покосилась на него мельком.

И вздрогнула невольно. Шхалар выглядел... жутко. Из ввалившихся глаз струилась вязкая, темно-сизая мгла, кожа казалась тонкой и прозрачной, обтягивая заострившиеся кости черепа, плащ болтался на отощавшей фигуре. И вновь потянуло липким холодом. Я едва удержалась от желания отодвинуться, особенно когда рядом со мной побарабанили задумчиво о стол пальцы... скелета. Забери меня Вечность, если это перерождение...

Я собрала с духом и прямо спросила:

– Значит, иссякаешь?..

– Что, так заметно? – криво усмехнулся он.

– В зеркало глянь, – я нервно сглотнула, стараясь незаметно отодвинуться.

Он отвернулся, ссутулился и встряхнулся, как выбравшийся из воды пес. Во все стороны полетели рваные клочья мглистого тумана. Я живо сползла под стол, прячась от ошметков магии. Мало ли... А Шхалар, вернувшись в привычный облик, тяжело оперся руками о спинку стула. Я осторожно высунулась из своего убежища. И всё как всегда, только в непроницаемых прежде глазах затаилась дикая усталость.

– Значит, иссякаешь... – мой голос предательски дрогнул.

– Это неизбежно, – сумеречный отстраненно смотрел в окно на причудливые водяные узоры.

– А как же... – я замялась, подбирая слова. – А мы как?..

Каким станет мир, если Шхал из него уйдет? Я не знала... и не хотела узнавать. Но от понимания стало грустно... и больно. Казалось, моей голове больше не о чем болеть, хватает хлопот с Эйриновыми загадками, Ариштанаром да опасностью, нависшей над родом, но...

– Не переживай, – небрежно отмахнулся Шхалар, – ты одна не останешься. Всегда найдется тот, кто будет тебя выручать. Те же рыжие помогут или твой раскрытый. Или думать наконец начнешь.

А вот назло тебе возьму и не обижусь...

– Ой, дура-а-ак, – протянула я и отодвинула стул, выбираясь из-под стола. – Я же не поэтому... Ты же не чужой мне... И нам всем. Ты же часть семьи давно. И как не переживать, когда с тобой *такое* происходит?..

Одно мгновение глаза в глаза, и сумеречный улыбнулся. Едва заметно, уголками губ, но улыбка прогнала из его глаз усталость. Он отодвинул стул и сел, снова уставившись на листы сшивки. Я тоже села. И, помедлив, осторожно спросила:

– А ты знаешь, что делать? Можно это перебороть?.. Можно же не иссякнуть, а переродиться...

– Можно, – кивнул Шхалар, – и я об этом думал. И недавно связался с гильдией тьмы и жду от них ответа. Последний человек-источник был магом мрака, а темные – запасливые и умеют хранить знания. Наверняка у них есть нужные сведения.

– Но, Шхал... – я запнулась. – Темные... Они же ничего просто так не делают. Они же такую цену запросят, что ты всю оставшуюся жизнь на них пахать будешь.

– Значит, буду, – отрезал он.

За окном сверкнуло, и сердито пророкотал гром. Гроза не утихала, похоже, собираясь утопить и городок, и ущелье в мутных потоках бесконечного дождя. Я прислушалась к шороху водяных струй, невидяще посмотрела на стол и... вспомнила. Как же неожиданно судьба иногда переплетает чужие пути, не устаю этому удивляться...

– А я могу помочь, – и улыбнулась. – Близнецы рыжие, мои духи, – они же прямые потомки последнего темного источника. Помнишь, в пустоши они тебя обсуждали и сказали, что их отец был тем самым источником? Хочешь, я вас познакомлю?

– Это те двое, с холма? – уточнил сумеречный, глянув на меня искоса.

– Да, они самые.

Шхалар откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Помолчал, прикрыл сизые глаза и пробормотал:

– Потом. Ты чем-то заняться хотела? Мешать не буду.

Я кивнула. Потом – так потом... И сосредоточилась на деле. Перечитала предсказание, потерла кончик носа, но опять отвлекалась от насущного. На сей раз – услышав ветер. Он вернулся. Настойчиво постучался в дверь, предлагая выйти, уводя за собой. Я привычно сунула сшивку и кружку в поясной карман и решительно встала, направившись к двери.

– Яссмилина, ты куда?

Я распахнула дверь. Ледяная морось, растворенная в порывах шквального ветра, ударила в лицо, и запах влажной свежести после духоты чайной вскружил голову, а зов явственнее зазвучал в ушах.

– Яссмилина!

– Он зовет, – ответила тихо, цепляясь за дверную ручку. – Шхал, он так зовет... Я пойду.

И мощный порыв подхватил меня, унося вдаль – туда, где чернели неприступные скалы ущелья, а я растворилась в потоке ветра, сливаясь с ним, становясь единым целым. Проходя там, где не пройти обычному человеку. Проскальзывая воздушной змейкой в мелкие скальные трещины. Стремясь увидеть то, что хотел показать ветер. И единственное, что смущало, – это непривычная тяжесть, замедляющая полет и стесняющая движение.

***

Этот зов ветра разительно отличался от двух предыдущих. Прежние порывы больше напоминали сон, а вот нынешний был более чем реальным. Я остро чувствовала всё, что со мной происходило. Слышала свист ветра в ушах, когда пролетала над ущельем. Ощущала холод дождя на коже, ледяную сырость темного неба и колючую шероховатость скал. И сама себе напоминала крошечное насекомое, подхваченное буйным порывом и следующее за ним туда, куда судьба приведет. И за несколько мгновений так срослась с потоком ветра, что не сразу поняла, когда успела его покинуть и снова стать собой.

Вот меня и «торкнуло»...

Села я не без труда и отплевываясь. На губах сухой коркой спеклась грязь. Тело с неприятки сковывала тяжесть, одежда промокла насквозь и неприятно холодила кожу, в глаза и уши набилась мелкая пыль. Чихнув, я протерла глаза и моргнула. Глаза слезились, и, лишь следуя ощущениям, я сообразила, что занесло меня... в помещение. Сухой и спертый воздух, тепло и тихо. Очень тихо. Как в семейном склепе. И пока молчит ощущение опасности. Значит ли это, что ветер принес меня туда, куда хотел? И что именно мне здесь необходимо найти?

Вопросы в пустоте...

На ощупь открыв клапан сумки, я достала носовой платок и прочистила от пыли глаза. Зов вора отличается парой неприятных особенностей. Если он настигает – от него не спрятаться и не укрыться, будет преследовать и сбивать с пути, а если ему поддаться – то, пока не

выполнишь требуемое, назад к обычной жизни не вернешься. Это своего рода плата. Я поморгала и достала второй носовой платок, вытирая лицо и уши. И теперь мне необходимо понять, что именно я должна здесь найти. Иначе окажусь в западне без выхода. Ветер не выпустит меня наружу, пока я не принесу то, что он хочет отдать миру.

Чихнув в платок, я высморкалась, свернула использованные тряпки и огляделась. И беглый осмотр ввел меня в ступор, закончившийся резонным:

– Ты как сюда попал, ненормальный?!

Сумеречный, совершенно сухой и чистый, в отличие от меня, подпирал стену узкого коридора и отрешенно таращился на противоположную. Пока я не заговорила. И задушевной беседы в чайной – как не бывало, все встало на свои места. С недовольной небритой физиономии на меня угрюмо посмотрели сизые глаза, и с прежней надменностью сумеречный изрек:

– Я – источник, и для меня нет ничего невозможного.

– Ты болван!.. – не сдержалась я. – Ты что, за меня уцепился?! Ты же... Ты всё испортил! У меня же зов ветра слабый, я ведь только практикант!.. Я себя-то едва ли до цели бы дотащила, а ты... Ты тяжелый! У меня нет сил тащить нас обоих! И теперь мы застряли где-то на середине пути, а зов пропал! И кто мне скажет – мы на месте или на полпути застряли? Ты скажешь, источник подзаборный, а? Ну скажи, раз умный такой!..

Он гордо промолчал, стряхивая с рукава куртки несуществующие пылинки, а я продолжала раздраженно шипеть, выжимая мокрые волосы:

– Чего молчишь? Порыв оборвался, а до цели я так и не добралась! И где искать то, зачем ветер сюда меня позвал? Где? Я ведь даже не знаю, куда нас занесло!..

Так он и признается, что сглупил, ага... Конечно, продолжал гордо молчать и делать вид, что я одна во всём виновата. Я поворчала, выдохлась и закончила усталым:

– Шхал, ты... Ты недоразумение.

– Я знаю, куда мы попали, – сообщил сумеречный спокойно.

– Да? – я фыкнула. – Ну-ну... Ну, скажи! Нет, отвернись сначала... – мне нужно собраться с мыслями... Мне очень нужно собраться с мыслями!

В мокрой одежде я чувствовала себя крайне неудобно. Скинула на пол грязный плащ и разулась. Сунула руку в сумку и тихо помянула ветер. Там, где в обычное время в пустоте сами собой находились нужные вещи, рука нащупала обычное тканевое дно. Я обшарила все углы, но...

– Здесь не работают порталы.

– Без тебя знаю, – огорченно огрызнулась я.

– И магия.

– И твоя? – я резко обернулась.

Шхалар и не думал отворачиваться, по-прежнему пялясь на гладкую, мерцающую серебристым светом стену.

– И моя. Но не целиком. На три-четыре заклятья запасов силы хватит, – и многозначительно замолчал.

Я невольно опустила руку в поток, нащупала переплетение нитей и довольно улыбнулась:

– А моя – при мне.

– Временно. Пока не оборвалась связь с миром, а оборвется она скоро. И останется лишь то, что привело тебя сюда. Воровской ветер.

Я невольно поежилась. Значит, блуждающая странность... Понять бы только, какая.

– Отвернись!

Так, прежде чем лезть в неприятности, надо бы разобраться с тем, что мы имеем... Кружка и сшивка – в поясном кармане, а карман – это не портал в хранилище, как сумка... Нащупав в кармане искомое, я перевела дух. Заодно обнаружила несколько яблок и бубликов. Вот привычка... В ступени я в общей столовой не питалась, поэтому с вечера покупала

на завтрак продукты, которые не всегда съедала. И хорошо. Следом за бубликами нашлось и несколько бутылей с зельями. Отлично. Пару дней протянем. И, надеюсь, у Шхалара, как у приличного путешественника, тоже при себе запасы имеются.

Сумеречный наконец соизволил отвернуться, и я кое-как выжала мокрые тунику, рубаху и штаны. Плащ, подумав, свернула комком и уложила в пустую сумку. Расчесала пятерней свое багряное настроение и скрутила тугую косу. Обула мокрые сапожки. Мерзко... Перекинула через плечо сумку и внимательнейшим образом изучила коридор. Светящиеся стены без следов кладки и потолок, уходящий на недосыгаемую высоту. Справа, в двух шагах от нас, – поворот, слева – длинный открытый путь вперед. И ничего примечательного.

– Молчи, – я подняла руку, когда Шхалар собрался обозначить место нашего положения. – Не говори. Я сама хочу понять.

– Не поймешь, – пренебрежительно хмыкнул он.

– Спорим? – я вдохновенно улыбнулась.

– На твое наследство? – уточнил сумеречный насмешливо.

– С моей стороны. А с твоей – на тайнописи мглистых сумерек, – решительно согласилась я. – Что? Мне для выпускной работы надо. А я пока штук пять всего знаю, из тех, что в хранилище рода были. Идет?

– Идет, – кивнул он.

– Отлично, – я быстро прикинула направление поисков. – За дело.

И бодро устремила к повороту. Чтобы споткнуться, когда Шхалар удержал меня за плечо:

– Беспечность однажды тебя погубит. Ты не знаешь местность, но несешься вперед сломя голову? А если за этим поворотом опасность?

– А ты мне тогда на кой? – заявила янагло, расправляя ворот рубахи.

Шхалар сухо кашлянул и поджал губы. Я весело ему подмигнула и продолжила путь. А за моей спиной уже распускались радужные крылья. Мой первый настоящий зов – и сразу блуждающая странность, место, откуда не возвращаются... Не возвращаются те, кто искал встречи нарочно, но не те, кого странность позвала. Необходимые ей люди всегда возвращались. И я вернусь, прежде окунувшись в легенду.

После чужих «надо» я наконец-то смогу отдохнуть от того, что кому-то должна...

Однообразный коридор каждые десять шагов сворачивал вправо. Я шла вперед, считая повороты. Мокрая одежда противно липла к телу, вода мерзко хлюпала в сапогах. Шхалар бесшумно следовал позади, не вмешиваясь. И правильно делал. Мой зов – моя странность – мое приключение – не его дело! И как он вернется – это не...

Сердце предательски екнуло. Его же не *звали*, как он вернется назад?.. Я невольно замерла у очередного поворота, и сумеречный едва не сбил меня с ног. И раз мы вместе здесь оказались – то нам обоим путь назад может быть закрыт... Но права ли я в своих предположениях – покажет лишь время.

– Идешь дальше или нет? – он поднял брови.

– Ты что, не мог выбрать более приятный способ покончить с жизнью, раз надоела? – я резко обернулась. – И это твоя беспечность однажды тебя погубит! Не подумал, что можешь остаться здесь навсегда?

– Но я же... – завел знакомую песню Шхалар, но не договорил.

Я грязно выругалась и поспешила вперед. Источник он!.. Всесильный и пустоголовый!

– Там, где есть вход, всегда найдется и выход, – заметил он вполголоса.

– У меня нет сил тащить обратно еще и тебя! – огрызнулась в сердцах. – Ветер, как же я ненавижу это твое «я источник!», – передразнила его злобно, – и твою дурную источниковую натуру! И всю твою проклятую силу!..

– ...которой хватит, чтобы пробить дверь там, где ее нет, – мягко перебил сумеречный.

Я на ходу обернулась через плечо. В его глазах опять разгоралось нездоровое сизое пламя, придавая бледному лицу жутковатое выражение. Я быстро отвернулась, ускорив шаг.

– Но твое беспокойство приятно.

Промолчала в ответ. У меня пропал дар речи. За очередным поворотом я замерла, затаив дыхание. Вот оно – одно из древнейших чудес нашего мира... Светящийся коридор, теперь необъятно широкий, тянулся на сотни шагов вперед, упираясь в круглые серебристые створки гигантских врат. Вдоль их краев, от навешенных вниз, струились две вязи черных символов-надписей. А под дверными ручками зияли круглые отверстия для ключей, которых у нас не было. Зато нашлись охранители врат. Два гиганта, подобных Гранитному исполину, стояли с двух сторон от входа.

Я уставилась на них во все глаза. Каменные изваяния стражей выглядели поразительно натурально. Кажется, налетит ветер – и длинные складки плащей взметнутся под его порывом, подметая мерцающий пол. Кажется, подойди ближе – и закрытые глаза распахнутся, вперив в нарушителя покоя грозный взор. Кажется, произнеси нужные слова – и каменные ладони, лежащие на дверных ручках, дрогнут, отворяя створки. Но пока их покой никто не тревожил, стражи спали. Складки капюшонов прятали черты лиц, открывая испещренные морщинами закрытые веки. Значит, спящие стражи... Спящие. Хм. Спящие...

Склонив голову набок, я искала подсказку. Одна рука стража теряется в складках плаща, вторая – покоится на дверной ручке. Ничего примечательного, кроме закрытых глаз. И надписи на створках. Я смогу ее разобрать – наречие мне знакомо, но есть одно «но». Одна буква в надписи – больше нас со Шхаларом вместе взятых. Прочитать целиком не получится.

– Надо отойти подальше... – пробормотала себе под нос.

– Куда? – хмыкнул сумеречный.

Я невольно оглянулась. Коридор исчез. На его месте – сплошное сияние стены. Отрезанный путь назад и неизвестный путь вперед. Здорово.

– Ладно, отсюда попробую надпись разобрать...

– Разбирай, – согласился Шхалар и, обойдя меня, продолжил путь.

– Эй! А я?... – возмутилась. – Подожди!

И поспешила следом. И чем ближе подходила, тем меньше становился круг врат. Настолько, что на подходе к ним я смогла разобрать отдельные слова. Морок какой-то? Я задумчиво нахмурилась. Морок... И вспомнила. Обман зрения – заклятье светлых сумерек. Ныне утраченное. Почему-то здесь сохранившееся. А если предположить, что здесь хранится все, что в мире считается давно и навсегда потерянным, то...

– Чертоги Сна!

– Что? – Шхалар обернулся.

– Это чертоги Сна! – воодушевленно заявила я. – Так?

– Как догадалась? – сумеречный остановился.

– Историю хорошо знаю, – улыбнулась хвастливо, – и символика мне всегда нравилась.

Обогнав своего спутника, я подошла к вратам и прищурилась на надпись. Склонила голову и прочитала вязь слов про себя. Да, это точно чертоги Сна. Ведь что есть сны? Это хранилище потерянного. Того, о чем мы забываем. Того, что упускаем из виду. Того, на что не обращаем внимания. Того, что порой возвращается к нам, чтобы вновь уйти в никуда. То, что навсегда скрывается за «невидимым порогом», за «невидимой гранью между здесь и там». И круг врат – это вход в сердце снов. Наших собственных и чьих-то чужих. Сплетенных из существующего и выдуманного. И мне здесь нужно найти нечто такое...

Легкий порыв ветра скользнул мимо меня, задев мокрый рукав рубахи, и исчез в замочной скважине врат. И ладони стражей дрогнули, сжимая дверные ручки, а створки под их напором медленно приоткрылись. В образовавшуюся щель легко бы пробрались и я, и мой спутник,

и Шхалар, судя по косому взгляду, решил меня поторопить, да не успел. Новый порыв ветра больно ударил по затылку, и я упала на колени, схватившись за голову. Ветер...

Перед глазами помутилось, и на мгновениехватило ощущение полета. И, кажется, я летела. Сквозь свет коридоров и мрак огромных пещер, сквозь величие исполинских статуй и древние руины, сквозь темную воду и сети ярких огней. Ветром проскальзывала меж сталактитами и колоннами в поисках только мне одной известной цели, пока не остановилась у стены. В три человеческих роста, она мерцала желтым, и там, где сияние сгущалось, я мельком рассмотрела очертания неподвижных лиц с закрытыми глазами. То ли маски, то ли замурованные люди...

Ветер подхватил меня под мышки, подбросив вверх, толкнул к крайнему слева лицу, и на меня уставились холодные мертвые глаза. Я испуганно пискнула, отпрянула и... вернулась. Мгновенный полет – и я оказалась сидящей перед створками и испуганно дрожащей.

– Что увидела? – Шхалар присел рядом.

Я тряхнула головой и потеряла затылок. Ощущение полета прошло, но страшное незнакомое лицо продолжало стоять перед глазами. Я боязливо поежилась. Кашлянула. Попыталась собраться с мыслями. Мне ненароком показали, куда идти... и определили время. Над моим правым плечом зависли, покачиваясь, черные часы с тремя чашами. Пока песок невозмутимо серебрился в верхней чаше, но стоит лишь ступить за порог врат... Я должна понять, куда идти. И понять быстро, очень быстро.

Не обращая внимания на сумеречного, я закрыла глаза, сосредоточилась, и моя неутомимая память, подобно хранилищному артефакту, начала собирать в стопку всё, что мне было известно о чертогах Сна. А знала я о них, к собственному удивлению, немало. От подробного плана лабиринтов до отчаянного понимания: после возвращения обратно долго я не проживу. Блуждающая странность могла отпустить человека, но навсегда ставила на нем свою печать. И, так или иначе, после прибирала к рукам. Мои – сезон-другой, может, чуть больше... Но это... неизбежно.

Я шмыгнула носом и решительно отпихнула страшное понимание в сторону. Не стоит забывать о том, что я – не совсем человек. И со мной всё не так. И почему бы проклятью странности не сработать иначе?..

– Яссмилина, – негромко окликнул Шхалар.

Я посмотрела на него исподлобья и с удивлением заметила в сизых глазах отражение своих страхов. Словно мысли прочел. А говорил, что не умеет...

– Это глупости, которые порождаются недалекими умами из-за пары совпадений, – сказал он тихо, – а после срабатывает закон веры. Если что-то случилось с одним и вторым, значит, случится и с тобой, – и, помолчав, добавил веско: – Но с тобой случится только то, во что ты веришь. Иначе и быть не может. Понимаешь?

Я кивнула.

– Тогда идем, – сумеречный мельком глянул на песочные часы, – время.

– ...пока еще есть, – я, пошарив по поясному карману, вытащила сшивку. – Мне надо понять, куда идти и каким путем.

Открыв сшивку на пустой странице и вооружившись пером, я быстро зарисовывала план чертогов, попутно вспоминая, где что находится. Чертоги делились на две части – южную и северную. В северной прятали свои тайны маги, в южной – ремесленники. В каждой части было, соответственно, девять уровней – для каждого пути свой. И нам надо...

– Откуда такие знания?

– Оттуда, – буркнула в ответ.

Да, откуда мне знать, из чьей головы я вытащила план вместе с тайнописью? Я и не думала, что так хорошо запоминаю всё, что попадает на пути поисков... Так. Стена. Мерцание. Лица. Тьфу... Я невольно поежилась. Ладно. Если предположить, что лица – это маски,

то меня ждет уровень искусников, а если вспомнить, кто маски искусникам делал – то уровень артефактологов. А что до мерцания... Над ним я потом подумаю. Если на обозначенных уровнях ничего не найду.

– И? – судя по резкому тону, Шхалар начинал терять терпение.

– В чертогах два рабочих входа – северный и южный, – пробормотала я, сидя на коленях и не сводя глаз с набросков плана. – Плюс смежный проход...

– Это северный, – он оглянулся на статуи. – Эти двое – точно маги.

Замечательно... Я быстро отметила путь до смежного входа. Эдак мы здесь проплутаем до скончания времен...

О размерах чертогов я имела крайне смутные представления, но, оглядываясь на чужие воспоминания, предполагала, что они... огромны. Бесконечны. Говорят, их создали в эпоху Первой, дабы схоронить знания, которые приносили людям Неизвестные. Люди, конечно, были готовы хватать все, что давалось, но нашлись мудрецы, верно рассудившие – есть вещи, о которых смертным лучше не знать. И они создали северное крыло чертогов. А вслед за ним – и южное, когда из-за ремесленных опытов на свет появилось то, о чем тоже лучше никому не знать. Не удивлюсь, если здесь, в клубке лабиринтов, хранится и тайна создания сайхо. И не удивлюсь, если чертоги пополняются по сей день.

– Что значит «рабочие входы»? – Шхалар придвинулся и заглянул в план через мое плечо.

– Это прямые входы в крыло. А есть еще подсобные – на каждый уровень. Когда-то чертоги Сна были не блуждающей странностью, а природным образованием. Сетью горных пещер. Южный вход находился на южном склоне горы, северный – на северном. Чертоги осваивались от вершины и вниз. Говорят, на нижние уровни ведет подземная река.

– Кто говорит?

– Не цепляйся к словам, – я отмахнулась, вырывая из сшивки листы с планами. – Люди говорят.

– А вот и выходы... – задумчиво проронил Шхалар.

– Заколдованные, – добавила я, убирая сшивку в поясной карман. – Через них просто так не выйти, снаружи их не найти и... Эй, значит, вы вход в чертоги искали, когда долбили скалы?

– Появление странностей давно научились предсказывать, – снисходительно отозвался сумеречный, вставая и протягивая мне руку. – Испокон эпох они следуют по одному и тому же пути. И, да, Танар полагал, что путь в чертоги можно пробить вручную.

– Наивный, – фыркнула я, принимая помощь и тоже вставая. – Сюда не попасть без зова ветра или ожидания мира. Или без тайны, которую ты хочешь спрятать.

– Неужели? – иронично улыбнулся мой спутник.

– Ненормальные источники – не в счет, – я храбро заглянула в щель между створками.

Часы, встрепенувшись, зашуршали сыплющимся песком. Вот теперь – да, время. И всё бы ничего, но страшно, до дрожи в руках... Чего боюсь?.. Пожалуй... неизвестности. И дико боюсь вернуться... без него.

***

Вперед я шла на негнущихся ногах. Пролезла в узкую щель и бегло изучила очередной коридор. Так, здесь должна быть развилка... Через десять шагов, за поворотом, я добралась до искомого – до девяти полукругом расположенных проемов – и решительно свернула в третий коридор справа. Так называемый рассветный путь начинался аркой, украшенной золотыми волнами трещин. Если верить плану, коридор выводил на седьмой уровень – к смежному проходу, соединяющему оба крыла.

– Уверена в направлении? – поинтересовался сумеречный, топая позади.

– Конечно, – я смотрела то вперед, то на план.

Здесь есть еще одна развилка, но от магов, создавших лабиринты чертогов, не стоит ждать ничего хорошего. Опасных ловушек вроде быть не должно, но в наличии мороков и обманок

я уверена. Спасибо чужим воспоминаниям. Кстати, у меня же есть одно замечательное средство...

– Тогда почему дрожишь?

Сунув под мышку листы с планом, я на ходу зашарила в поясной кармане. Среди добра, которое мне сбаврил Айло, есть зелье, позволяющее видеть знаки остаточной магии. А по последним можно понять, какое заклятье и для чего применялось. И рассмотреть, собственно, обманки.

– Боюсь. Я всегда боюсь, когда гадость чую... – вытащив нужный пузырек, я откупорила пробку. Выплеснула часть густой зеленоватой кашицы на ладонь и щедро размазала ее по векам и переносице. – И в пустоши, если помнишь, это почти спасло нас от Вечности.

Шхалар хмыкнул, наблюдая за мной искоса, и назидательно изрек:

– Только в одном случае из ста страх вора – это предупреждение. В остальном ты боишься просто потому, что боишься. И все твои предчувствия – это трусливая натура плюс больная фантазия.

Я закрыла пробку, убрала зелье в поясной карман и устало посмотрела на него снизу вверх:

– Может, и так. И что? Обязательно каждый раз напоминать, что я трусливое недоразумение? И обязательно сейчас? А если у меня от страха мозги откажут, как ты выберешься отсюда? Нет, если хочешь, – и я протянула ему план, – веди. А я спрячусь за твоей спиной, чтобы спокойно там бояться и фантазировать. Не хочешь? Тогда закрой рот и не мешай!

И ускорила шаг, сердито сопя. Шхалар молча пошел следом. Умник, поberi его мгла... Нашел время учить жизни...

Я поморгала, принаравливаясь к меняющемуся зрению. Под действием зелья расплывались стены, мерцание становилось ярче, коридор – шире, а потолок, наоборот, ниже. Я подняла голову и споткнулась, закусив губу. К горлу подкатил липкий комок отвращения. Своды потолка «украшали» кости. Дорожка из больших, с два моих кулака, узловатых позвонков – посередине, а кости грудины – двумя арочными полукругами сползали с потолка на стены. Слишком крупные для людских, но приятного все равно мало...

– Не останавливайся. И не смотри под ноги, – Шхалар крепко взял меня за плечо повыше локтя. – Это морок.

Под ноги я таки глянула. И едва удержалась от желания взобраться на плечи своего спутника. На меня смотрели пустые глазницы и скалились острые клыки. Ровная дорожка из лобастых звериных черепов в окружении мостками уложенных костей.

– Так что, сразу и было?.. – споткнувшись, я нервно переступила с ноги на ногу.

– Как только мы свернули с развилки, – кивнул сумеречный. – Но мороки магов видны лишь им. Или тем, кто использует зелье уподобления, – и осторожно подтолкнул меня вперед, напомнив: – Время, Яссмилиа.

Я уставилась в план и на дрожащих ногах пошла дальше. Шхалар, вздохнув, мрачно спросил:

– Ты хоть что-нибудь из моих занятий запомнила?

– С непропущенных – всё, – буркнула в ответ.

– Так чаще надо было приходить.

– А меньше надо было гадостей делать!

Сумеречный снова вздохнул и с необъяснимым терпением, не забывая тащить меня вперед, рассказал:

– Издревле обманные символы и мороки служили отличительными знаками. Ими помечались и тайники, и правильный путь в лабиринтах хранилищ, и возможные западни. Между прочим, у тебя в итоговой контрольной был вопрос о ловушках рассветных магов, – поддел насмешливо, – и ты очень развернуто на него ответила.

Я смутилась. Да, наверное... Только я была злой, невыспавшейся и больной с похмелья. Ничего с той контрольной не помню, только что пить хотелось... Шхалар продолжал нудно вещать, а я шла рядом, уставившись в карту. Не на кости же смотреть... И где это проклятое ответвление?..

– ...обманки вообще символичны. Мы, например, видим кости снежной ящерицы – второго по силе существа Изначальности, из ветви светлых сумерек. Это значит, что путь ведет мимо тайников, где рассветные маги прячут то, что никогда не должно попасть в руки светлых сумерек. Кроме того, можно предположить... Кстати, нам не сюда?

Я отвлеклась от изучения плана. Коридор сворачивал влево, а справа тусклым золотом сиял едва различимый арочный проход. Я рассеянно кивнула и первой шагнула в туманное марево рассвета. Толкнула вытянутой рукой невидимую дверь, сморщилась от противного скрипа и невольно замерла. Дверь вела в пещеру, где властвовала Снежная зима. Наверху серели тяжелые тучи. У ног пушистым одеялом стелились низкие холмы серебристых сугробов. И везде, насколько хватало глаз, из снега вырастали мощные колонны, свитые из прозрачного льда. В глубинах каждой таинственно мерцали клубки седого огня.

Осторожно ступая по снегу, я подняла голову. Наверху колонны соединяли льдистые нити, тонкие, хрупкие и изящные. Сплетаясь меж собой, они образовывали подобие хрустального купола, и в местах их пересечения искрились маленькие рассветные солнца.

– Это... морок? – хрипло спросила я, зачарованно рассматривая «купол».

– Нет, это хранилище, – пояснил Шхалар и недовольно добавил: – А если ты так и будешь везде застревать, нам никакого времени не хватит.

– А если бы кое-кто ко мне не прицепился, я бы уже обратно вернулась и обедала бы с Райденом и Гиль... – и запнулась.

Брат меня убьет... Исчезла без предупреждения, в неизвестном направлении, и наверняка здесь недоступна мыслесвязь...

Я нервно обернулась:

– Шхал, а...

– Здесь странно течет время, – он обошел меня и устремился вперед. Под его уверенными шагами захрустел снег. – По ощущениям мы проведем здесь день, а по возвращении узнаем, что прошел сезон-другой. А может быть, нашего отсутствия никто не заметит. И – да – мыслесвязь в чертогах не работает. Не спи. За мной.

Я поспешила следом, ежась и выдыхая облачка пара. Холодно, а я насквозь промокла... И чем дальше мы шли, тем холоднее становилось, и тем быстрее снежное хранилище теряло свою привлекательность. Я семенила по снегу, пытаюсь на ходу шевелить коченеющими пальцами ног и безуспешно грея дыханием замерзшие руки. И отставая от сумеречного, который неся вперед, словно ветром в спину подгоняемый. Шхалар ожидаемо скрылся за частоколом льдистых колонн, а я, дрожа, брела по серой вязи его следов и отчаянно уговаривала себя потерпеть. Еще немного.

– Куда дальше? – глухой голос, неожиданно прозвучавший рядом, вырвал из цепкого сонного забытья, в которое я успела провалиться.

Я смутно припомнила план. Так, из трех проходов, кажется, крайний справа... Листы с картой я давно сунула в поясной карман и теперь не имела ни сил, ни возможности до них добраться.

– В п-п-п... – попыталась выдавить из себя, заикаясь.

Шхалар выглянул из-за колонны и молча снял куртку. Подойдя, завернул меня в нее до кончика носа и взвалил на плечо, как куль с мукой.

– Вправо, говоришь? – уточнил, вернувшись к проходам.

Я согласно клацнула зубами. И с головой окунулась в дождь. Следующая пещера оказалась копией предыдущей, только снег и лед сменились слякотью и водяными колоннами. И в каждой таилось спрятанное магами сокровище.

Шхалар шел быстро, по щиколотку утопая в грязных лужах. А я безуспешно пыталась согреться. С «водяного» купола стекали тонкие холодные нити бесконечного дождя, и мы враз вымокли. Я посмотрела на расплывчатые отражения солнышек в лужах, на искрящиеся блики лучей, скользящих по волнистым бокам колонн, и кое-что вспомнила. Пока я не отрезана от силы...

Повозившись, я нащупала нужный поток, выдернула из него лучистую нить, и нас окутала дымка золотистого тепла, о которую застучали капли дождя. Простенькое заклятье света, а сколько сил отнимает... Я потеряла пульсирующие виски и протянула к свету замерзшие руки. Долго так продолжаться не может, нужно что-то придумать... Мы движемся как озерные улитки.

Дождевую пещеру сменила пыльная. Песчаные вихри колонн, духота и сухая пыль, забивающая нос и вызывающая приступы острого кашля. Магический заслон худо-бедно защищал от растворенной в воздухе пыли, но не всегда. Зато было тепло. Многочисленные солнышки не только лучились, но и грели. И я позволила себе зажмуриться, расслабившись, на мгновение отрешиться от происходящего. Тепло...

Шхалар пересек пещеру бегом, кажется, напрочь забыв о моей особе. А у меня от неудобного висячего положения уже ломило спину и ныли мышцы живота. Непривычная ни к походам, ни к путешествиям, я чувствовала себя мерзко, хотя и согрелась, и почти обсохла. Начали сказываться ночное пробуждение, недосып и отсутствие завтрака и обеда.

...полмира за возможность поспать и поесть...

– А где ты возьмешь эти полмира, чтобы рассчитаться? – поинтересовался сумеречный, останавливаясь перед выходами из пещеры.

– Сворю, разумеется, – вздохнула я. – Второй слева, – и чихнула в ворот куртки.

Знакомому мерцающему коридору я обрадовалась как родному. Шхалар сгрузил меня у стены и сел рядом. Я выпуталась из его куртки и полезла за припасами. Кружка, бублики, яблоки...

– Будешь? – протянула ему зеленобокий плод.

– А не отравленное? – он взял яблоко.

– Отравишь тебя, ага, – я открутила крышку походной кружки. – А то не помню, как на тебя зелья действуют... Отравить попытаешься – приступ ярости вызовешь... А кто меня потом от стен чертогов отскребать будет?

Шхалар хмыкнул, сгрыз яблоко и встал, всматриваясь в сумрак длинного прямого коридора. Выглядел он отвратительно бодро. А я вот, кажется, не встану... Да, обсохла, перекусила и напилась горячего чаю, но чувствую себя ужасно. Сумеречный выжидательно протянул руку, и я заставила себя встать. И откуда ощущение, что мы бродим по чертогам дольше, чем кажется?..

Мой спутник хмуро прищурил глаза:

– Какие мысли?..

– Никаких, – я покачала головой, – только твой укороченный путь, но...

– Но ты его не переносишь, – Шхалар задумчиво прошелся по коридору взад-вперед, сунув руки в карманы штанов.

– Если быстро пойдешь – я его не переживу, – уточнила тихо, закутываясь в его куртку. – А если медленно... всё равно толку мало.

Когда он уносил меня с холма – то шел медленно, да и расстояние от башни до города – небольшое, и я отделалась неприятными ощущениями. Что касается быстрого шага – когда одно мгновение равняется суточному переходу, то он кончится для меня остановкой сердца

или разрывом легких. Это для магов укороченный путь – потеря собственно магических сил. Для простых смертных это та же нагрузка на организм, помноженная на невероятную скорость передвижения. Айло протащил меня как-то быстрым шагом с острова на остров шутки ради, так после еле откачали.

Шхалар задумался о своем, а я украдкой и с надеждой поглядывала на него. Видимо, ничего не придумав, он устремился по коридору вперед, ворча:

– И занесло же, тебя, недоучку... Могла же отказаться от зова. Воров этому обучают с пеленок.

– Если бы я училась с пеленок, может, тоже бы умела, – огрызнулась я, доставая план и сверяясь с ним. – И не от зова отказываться, а от «прицепа».

Сумеречный фыркнул и шустро перевел тему с малоприятного на совсем неприятное:

– Не во мне дело, Ясмилиа. Я удлинил твой путь на сотню шагов, не больше. Спящие открывают врата людям, а не ветрам. Жизни, а не силе. И не пропускают без часов. Кстати, обрати на них внимание.

Я повернула голову и тихо помянула ветер, невольно ускоряя шаг. Первая чаша опустела наполовину. Я рассчитывала, что к этому времени мы доберемся хотя бы до перехода в южное крыло, а мы – лишь на полпути к нему... Что здесь со временем происходит?.. Я нахмурилась. Ладно, Вечность с ним. Должен же быть выход из этого временного тупика...

– А если я пройду укороченным путем, – вернулся к насущному Шхалар, – ты ветром прошмыгнуть сможешь?

Я пустила по коридору сначала нить распознавания, следом – нить захвата цели, но...

– Нет, мне не за что зацепиться, – разочарованно нахмурилась.

– А без?..

– Шхал, я не искатель. Я вор. Искатель смог бы пройти тем же мерцающим следом, но мне, чтобы поймать порыв ветра, нужно зацепиться за то, что можно украсть. А впереди пусто. И я до сих пор не знаю, зачем здесь нахожусь. А применять сложные заклинания иных путей... Я боюсь.

– Но ведь зов был? – отметил он. – И ты увидела нужный путь. И если мы идем за твоей добычей, то?..

Как же противно признаваться в собственной неумелости, да еще и не тем людям... И я смолчала, идя за сумеречным и невольно замечая, как меняется магический коридор. Мерцание, прежде шедшее от стен, стекалось в тусклые точки светляков. И я едва не споткнулась, зацепившись носком сапога за глубокую трещину в полу.

– Ясмилиа, я задал вопрос.

– Потеряла я порыв ветра... – и опустила глаза. – Он позвал, показал цель, а потом... исчез. И поймать его, чтобы ухватиться, я не могу. Его нет. И цель он показал... спрятанную. Если бы я увидела артефакт, то смогла бы за него зацепиться, а он показал стену, где этот артефакт замурован. А стена... Ее не украдешь. Вернее, можно... но мне сил не хватит. Я могу перемещаться, лишь хватаясь за предметы. Или зовом, которого тоже нет.

Шхалар тоже смолчал, но посмотрел так выразительно... Я угрюмо отвернулась. Сама знаю, что толку от меня мало. Ни опыта путешествий нет, ни особых навыков... Зато есть нечеловеческая память. И знания. Рано нос вешать. Я быстро вспомнила умения вора, включая высшие достижения мастерства, и кивнула самой себе.

– Шхал, я могу стать твоей тенью, – сказала убежденно. – А тень пойдет за тобой – шаг в шаг, след в след, уподобившись тебе, повторяя каждое движение и имея твои способности – все, включая выносливость в укороченном пути, – отметила скептический взор, но глаз не отвела: – Я смогу!

– Уверена? Тень – это...

– Заклятье Старших, да! – я возбужденно смяла листы с картой. – И я лишь теоретически знаю о его действии... Но чувствую, что смогу! – и посмотрела на темные закоулки коридора. – Вор не возьмется за дело без твердой уверенности в себе. А если он уверен, то способен творить чудеса и совершать невозможное. И я верю, Шхал. У меня получится.

– Тогда тебе и карты в руки.

Я перевела дух и улыбнулась. Приятно, когда в тебя кто-то верит... Припомнив тонкости заклатья, я оценила обстановку.

– Вставай сюда.

Он встал напротив светляка, так, чтобы от его фигуры по шерботому полу расстелилась густая тень, и с интересом начал наблюдать за моими действиями. А я достала сшивку, невольно отмечая подозрительное – уже который день подряд – непривычное молчание Эйрина, вооружилась пером и присела на корточки. Ладно, об Эйрине – потом, у меня сейчас другая задача... Заклятье требует трех знаков в лучшем случае и... В сомнении посмотрела на своего спутника. И восьми – в худшем.

Шхалар встретил мой взгляд и вопросительно приподнял бровь. Я в ответ пожала плечами и нарисовала восемь символов, каждый на новом листе. Он и маг, и источник, и чешуйчатый, и Вечность знает, кто еще... Далее. Я вырвала листы с символами из сшивки и разложила их у ног Шхалара так, что он оказался в кругу. Знак силы, знак сущности, знак движения, знак пути, знак слабости...

– Это зачем? – спросил он с интересом.

– Это – знаки-вместилища, – пером я кое-как нацарапала на каменных плитах соединительную линию, благо его странная магия не подвела. – На них перейдут все твои данные, которые я временно позаимствую. Не шевелись. И молчи, пожалуйста, – я быстро нарисовала на ладонях обеих рук те же восемь символов и вооружилась необходимым потоком силы.

Мощная узловатая плеть больно резанула кожу рук, но я лишь крепче сжала тяжелый, норовящий выскользнуть поток, выжидая, когда ее сила напитает символы. И когда последние острыми иглами впились в ладони, я временно отпустила поток. Надеюсь, он не утянет меня за собой. Надеюсь, я всё сделаю достаточно быстро...

Так. Сущность, как считается, гнездится в голове. Я встала за спиной своего спутника на цыпочки и сосредоточенно провела кончиками пальцев по его щекам. Знак сущности, нарисованный на листе, полыхнул белым. Сила – в грудной клетке... Шхалар от следующих моих изучений вздрогнул, а знак силы полыхнул сизым. Слабость – спина...

– Что это за ритуал? – он снова вздрогнул.

Чувствительный какой, подумать только...

– Не отвлекай меня, – я добралась до его коленей, где таилась сила движения. – Ничего предосудительного с тобой не делаю.

Сумеречный сдавленно фыркнул. И пусть развлекается, лишь бы вопросами не сбивал и не нудил... А то когда он начинает корчить из себя источника или наставника, у меня руки чешутся спустить на него парочку-другую «прилипал».

– Шхал, пора. Я покажу дорогу, – и, ощутив привычную боль в затылке от мыслесвязи, про себя проделала тот же путь, что и вместе с ветром.

Последний знак вспыхнул черным. Я вцепилась в поток силы и растворилась в сизой тени.

***

Помнится, однажды я спросила у Эйрина, как ему живется в сшивке, будучи не то духом, не то обрывком прежней сущности. И он заметил, что быть частью чего-то проще, чем собой. Тогда я его не поняла. Зато теперь – отлично понимала. Мне ничего не хотелось и ничего не требовалось. Сила мглистых сумерек стремительно несла меня по чертогам, подобно бурному потоку горной реки, а я, крошечная и незначительная капелька воды, летела в заданном

направлении, не чувствуя ничего. Ни аппетита, ни усталости, ни интереса. Лишь отмечала краем глаза пещеры, коридоры и повороты. И не сразу поняла, что мне нечем дышать. И не сразу – что стою на месте. Одинокая капелька воды, едва вписавшись в поворот, зацепилась за стену и стекла по камню, не найдя сил следовать дальше за могучим потоком.

В себя я пришла от резкой боли в груди. Мучительно не хватало воздуха, и горло рвал жуткий кашель. Продышавшись, я потерла виски и нерешительно осмотрелась. Темно-синее мерцание стен, туман, стелющийся у ног, неровные стены... Я попыталась встать, слепо наставив выступ на стене, оглянулась и снова села, чтобы отпрянуть в сторону. Выступом оказался чей-то крупный мясистый нос. Я оцепенела. Стены огромной комнаты, имеющей форму многогранника, являли собой сплошное переплетение лиц. И каждая грань – гроздь разномастных спящих физиономий. Причем на одних гранях лица располагались, словно нанизанное на вертел мясо, а на других – сливались в одно целое, так, что у единственного раздувшегося лица оказывалось три носа и шесть пар спящих глаз.

Я судорожно сглотнула и зажмурилась. А еще... Шхалар куда-то делся. Потерял меня на пути к цели и не заметил. А у меня силы не те, чтобы долго прикидываться источником... Я попыталась отрешиться от страшной комнаты и собраться с мыслями. Главное, чтобы он успел долететь до нужной стены... У меня есть планы чертогов, я и сама до места доберусь, а вот сумеречный может заблудиться. И ветра с два я найду его в этих бесконечных лабиринтах.

Мой взгляд снова упал на ту грань, от которой я отползла. С отвратительно вытянутого лица на меня с немим укором «смотрело» пять пар спящих глаз, меж которыми нелепо ютились носы, подбородки и губы. Тьфу, гадость...

Встав, я дрожащими руками нащупала в поясном кармане смятые листы планов и начала осторожно их разворачивать. Мелкая ручная работа помогла сосредоточиться на насущном. Так... Я нашла лист с планом уровня искусников. Не дотерпела-то совсем немного... Я расправила карту и хмуро уставилась на безумное переплетение коридоров и пещер. Меня выбросило... Я удивленно моргнула. Лист превратился в голубой шар света, причем подозрительно знакомый... Я проводила его взглядом. Где-то я такой уже видела... Ах да, в пустоши, когда...

– Ясмилины, немедленно замечай следы! – рявкнул Шхалар, возникший позади. – Живо!

Тонкая, «выжатая» теперь узловатая нить по-прежнему обхватывала мое правое запястье. И, не раздумывая, я всё сделала очень быстро. Оборвала нить, отпустила ее в полет и проводила взглядом уплывающий в никуда голубой шар. Когда же я запомню-то, что следы надо замечать сразу...

– Цела? – Шхалар подал мне руку. В прищуренных темно-сизых глазах мерцал напряженный интерес. Исключительно научный.

Я ухватила двумя руками за его запястье и кое-как встала. Колени подгибались, но, собрав остатки сил, я выпрямилась и расправила плечи. Руку помощи, правда, отпустить побоялась, вцепившись в подставленный локоть.

– Вроде, да...

– Тогда идем: наша пещера – через одну. Кстати, Ясмилины, ты меня удивила. Откуда у практиканта столько сил и умение работать с потоками Старших? – и он бросил на меня острый взгляд из-под нахмуренных бровей.

– Ну... – я смущенно кашлянула. – Оттуда. Это семейное.

Шхалар промолчал, задумчиво хмурясь и безжалостно волоча меня за собой. А я смотрела по сторонам.

Одна из граней пещеры, оказывается, была иллюзорной, скрывающей узкий проход, в который мы и шагнули. Короткий островок перехода – и следующая многогранная пещера, стены которой вновь «украшали» выпуклые маски. Незнакомые лица улыбались и хмурились, насмешничали и грозно поджимали губы, хохотали и готовились разразиться скандалом... Все грани человеческих чувств, подвластных искусникам, провожали нас закрытыми глазами. И

смотрелись так реалистично, будто в стене и впрямь спали живые люди. А может, они и были живыми, кто знает...

Я боязливо поежилась и покосилась на Шхалара. Тот по-прежнему хмурился, думая о своем. Я помялась, но решила прервать его размышления:

– А как ты меня нашел?

– Что? – он рассеянно смотрел перед собой. – Следы заметить надо. Часть твоей нити прицепилась ко мне и тянула назад.

– Когда-нибудь я запомню... – я вздохнула.

– Не запомнишь, – мой спутник насмешливо хмыкнул, проталкивая меня в щель следующего прохода. – Не успеешь. Скорее, до тебя доберется тот, кого ты обворуешь. И вряд ли он будет настроен мирно.

Я покраснела и поджала губы. Надейся-надейся... Боком протиснулась в узкую щель и задумчиво втянула носом воздух. Запах. Здесь пахло ветром, свежим и влажным... И появилось притяжение цели. И я устремилась на запах. По колено проваливаясь в вязкое марево желтого тумана, без труда нашла нужную грань и остановилась возле нее, задрав голову. Пещера напоминала многоконечную звезду, и с грани одного из ее «лучей», направленных к центру, на меня сонно взидало пять больших лиц. И мне, кажется, нужно третье...

– Здесь? – незаметно подошел Шхалар.

– Да, – я обернулась. – Подсадишь? Я не допрыгну.

Сумеречный присел, и я быстро взобралась на его плечи, чтобы спустя мгновение оказаться напротив знакомой физиономии. И именно ее я видела во время последнего зова, только она... Закрытые глаза распахнулись, вперив в меня мертвый темный взор, и я непроизвольно отшатнулась.

Шхалар, помянув мглу, отступил от стены и не без труда сохранил равновесие, буркнув:

– Или сиди смирно, или слезай.

– Л-ладно... – отозвалась невпопад.

Ничего страшного. Это не глаза. Это провалы, дыры в стене...

– Шхал, а подойди ближе.

Размеры глазниц – очень подходящие для... Я осторожно просунула в дыры обе руки по локоть, нащупав металлические задвижки. Хм...

– Что там? – сумеречный, подняв голову, наблюдал за моей возней.

– Замок, – найдя на ощупь крошечные «ручки», я потянула их друг на друга и пощелкала задвижками. – Вроде засова, только странный какой-то... двойной. Точно не искусничья работа.

Судя по щелчку, обе части «засова» соприкоснулись, но никакие невидимые двери при этом не открылись. Я потянула их друг на друга до упора, потом развела обратно, но – ничего.

– Должен же он открываться... – я нахмурилась.

– Или соображай быстрее, или слазь.

– Не надорвешься, – я подалась вперед, азартно щелкая «засовом».

Снова соединила разрозненные металлические пластины, подумав, повертела «ручки» и вдавила их в засов. И «лицо» пропало. Растаяло желтоватой дымкой, открывая зияющий провал, куда меня резко потянули невидимые руки. Я с визгом соскользнула со своего насеста, но в образовавшуюся дыру нырнуть успела только по плечи. Шхалар поймал меня за щиколотки, и несколько мгновений они с невидимкой соревновались в перетягивании, пока мои запястья, крепко удерживаемые призрачными руками, не загло огнем.

В предплечьях вскипела боль, и я, сморщившись, выдохнула:

– Шхал, отпусти... Отпусти, поberi тебя ветер! Без рук же останусь!..

И сумеречный отпустил. Меня затянуло в дыру, сквозь которую я пролетела, подобно камешку, пущенному ребенком из рогатки, потеряв по дороге сумку. Помянула про себя Веч-

ность и выскользнула из низкого прохода на пол. Кувыркнулась, принимая сидячее положение. Оглянулась настороженно и удивленно ахнула. Ох, ты ж, а...

Я сидела на полу одного из древнейших храмовых сооружений. Узкое помещение с девятью стенами в виде неправильного многогранника. В центре – массивное возвышение, заполняющее собой все видимое пространство, и между ним и стенами едва разойдутся двое. Возвышение повторяло форму храма, и к нему вели щербатые ступеньки. Лестница, закрученная спиралью, вводила на высоту трех человеческих ростов. Вместо потолка – черный провал, ведущий в никуда. В центре возвышения, как я читала, такая же дыра. По легенде, там заперта частичка Вечности, питающая храм изначальной силой. А само строение находится между миром живых и Изнанкой, на пороге, через который Вечность не могла прорваться наружу.

Встав, я огляделась. Теплый приглушенный свет проникал, кажется, извне, озаряя помещение и грубую кладку стен, у которых кутались в сумрак безликие тени. Сейчас так уже не строят. Стоишь рядом со стеной – и видятся выпирающие, неровно обработанные булыжники, нелепо подогнанные друг к другу. А посмотришь издали – и коричневые прожилки в сером камне сливаются в четкие узоры. В символы пути, придуманные Великой на заре времен.

Я благоговейно прикоснулась к стене, и она слабо засветилась. И камней таких сейчас уже нет. Серые крупички мелкого песка, темно-коричневые прожилки слюды. Прежде материал так и называли – песчаником, и добывался он лишь в одном месте – на материке Первой, в бухте Трех ветров, которую давно поглотила морская пучина вместе с Кровавым кряжем. За последний всю эпоху Первой велись страшные бои, ибо каждая община ремесленников хотела иметь свой личный храм Перекрестка. А их строили только из песчаника. Из единственного материала, способного эпохами хранить изначальную силу.

Сияние стало ярче, рассыпаясь крошечными теплыми искорками. Проникая под кожу, они сливались с моей силой, наполняя все существо первозданной мощью. И уходила прочь усталость, выпрямлялась спина и прояснялись мысли. Улыбнувшись, я провела рукой по камню, нащупала острый выступ и уколола палец. Минерал быстро впитал пару капель крови. Мизерная плата за отдых... Я глубоко вздохнула и осмотрелась. Пора приступать к поискам насущного. Часы уже наполнили песком вторую чашу до середины, а нам еще обратно выбираться...

Не удержавшись, я позволила себе поглазеть по сторонам. В мире осталось непозволительно мало изначальных храмов Перекрестка, древних хранилищ единой силы, – не больше пяти. Остальные давно поглотили природа да людские глупости. Я читала о храмах, видела их изображения, но никогда не предполагала, что мне так повезет... И неважно, Эйриновы это происки или же судьба... Да, сейчас так уже не строят... Каждый камешек – на своем месте, у каждой слюдяной прожилки и крупинки песка – свое назначение...

Вздохнув, я отодвинула в сторону благоговение и решительно направилась к лестнице. Конечно, здесь за каждым камнем может скрываться тайник, как скрывался и проход, но раз тянет на возвышение – значит, мне туда. Поднявшись по ступенькам, я едва удержалась на узком бортике. Один шаг – и чернота Вечности улыбнулась из бездонного колодца, распахивая холодные объятия. Я с трудом отвела взгляд от манящей пустоты. Да, один лишь шаг – и в никуда уйдут и загадки Эйрина, и заботы рода... И, наверно, если бы не встрепенувшаяся сущность сайхо, я бы сделала этот шаг... Но то, что толкало меня вперед, то, что заставляло быть сильной, пригвоздило к полу, зашипело, прогоняя ненужные мысли. Нельзя. Не сегодня.

Я нервно поежилась и сосредоточилась на поиске. Стараясь не смотреть в колодец, бегло изучила бортик. И окончательно потеряла интерес к самоубийству. Узкий круг дорожки с внутренней стороны обрывался колодцем, а с внешней был заключен в подобие звезды с девятью лучами. В центре длинных широких лучей – глубокие темные ямы, по краям – плитка, расписанная символами из подземья башни.

Помедлив, я присела на корточки. В яме в полный рост мог бы уместиться стоя взрослый человек. Я задумчиво нахмурилась. Неужто легенды о жертвоприношениях во имя Вечности правдивы?.. Я скривилась от отвращения. Нет, не буду вспоминать подробности ритуала... Когда про них читаешь – это одно, а когда стоишь у края колодца, в который утекала кровь обреченных, – это совсем другое... И посмотрела на плитку с символами. Лучше ими займусь... Встав, я прошлась вдоль кромки «звезды», внимательно изучая каждую закорючку. После сюрприза от памяти, неожиданно «вспомнившей» то, о чем я понятия не имела, записывать бессмысленно. Когда эти знания пригодятся, они всплывут сами собой.

Остановилась я лишь однажды – там, где заметила выступающий край плитки. Словно бы... не отсюда. Я обошла яму и склонилась над острием «звезды». Точно. Этот кусок камня – более... старый. Другой. Трещин больше, они глубже. Края сильнее крошатся. Символы потерянные и по краям... кажется, кровью запятнаны. Я содрогнулась, рассмотрев в мелких трещинках коричневые вкрапления. Хотя, возможно, это слюда...

Прогнав отвращение, я решительно вынула кусок плитки из выемки. Выпрямилась, бережно держа в руках находку, встала и почти сразу уловила дыхание ветра. Взъерошив мои волосы на макушке, он прошмыгнул мимо и нырнул в колодец. Вот оно, нужное!.. Я перевела дух и вздрогнула от резкой боли, когда острые края плитки впились в ладони. По запястьям тонкими ручейками потекла кровь, руки по локоть вспыхнули холодным огнем. И то ли – плата, то ли – моя глупость... Переживу.

Спрятав находку в поясной карман, я осторожно вернулась к лестнице и спустилась с возвышения. Больше здесь делать нечего. Темный лаз распахнулся, едва я очутилась у стены. Я оглянулась на прощание. День прошел не зря... Опустилась на карачки и скользнула в узкий проход, обдирая плечи и колени. Ладони ныли, и ползти пришлось, опираясь на локти. Потом перевяжу... Хотя, спорю на свое наследство, раны уже затянулись сами собой. Такова природа магических вещей – как калечат, так и лечат.

***

Выход появился, едва я к нему подползла. И первое, что увидела, это знакомое лицо.

– Не за воротник!.. – предупредила, высовываясь из лаза по плечи.

Шхалар, разумеется, мои слова пропустил мимо ушей. Молча выволок меня за шиворот и поставил на ноги. Цепко и быстро осмотрел с головы до пят. Взял за руки и заставил разжать кулаки. Раны не обнаружились, но обе ладони распухли, а кожа с внутренней стороны приобрела синеватый оттенок. Много выпил камешек... Я сморщилась. Руки по локоть онемели. И как с потоками работать, если пальцев не чувствую?..

– Покажи, – велел мой спутник коротко.

– «Ясси, как ты?», – пробурчала хмуро, кончиками пальцев кое-как вытаскивая из кармана находку.

Сумеречный не ответил, внимательно изучая кусок плитки, который стал совершенно красным. А символы почернели.

– Это не я... – прошептала в ответ на задумчивый взор. – Это он... сам...

– Пошли отсюда, – Шхалар спрятал находку в свой поясной карман. – Дело сделано, и время почти кончилось. Пора уходить, – и вручил мне потерянную сумку.

Часы как раз ссыпали последние крупинки во вторую чашу, готовясь наполнить третью. Я насупилась, перекидывая сумку через плечо, и собралась потребовать свое приобретение назад. Открыла рот и замерла, поперхнувшись невысказанным. Ветер шаловливо скользнул мимо меня, взъерошив волосы, и исчез в тайном ходе, скрытом за иллюзорной гранью. И меня снова «торкнуло». Я инстинктивно развернулась и метнулась за ветром. Здесь еще что-то есть... Шхалар тенью последовал за мной.

Я вихрем пролетала через пещеры, не чувствуя усталости – сила древнего храма здорово меня подлатала. И хотелось сворачивать горы, но этого не потребовалось. Очутившись в тупи-

ковой пещере, чьи стены украшали спящие лица, где по полу стелилась белесая дымка, приглушая шаги, я зорко огляделась. Здесь физиономий оказалось больше, хотя пещера была меньше предыдущих. Здесь лица «смотрели» не только со стен, но и с неровных колонн сталактитов, словно кто-то неведомый прилепил к ним отрубленные головы, да так, чтобы в одной «связке» четыре рожицы оказались по сторонам света.

Содрогнувшись, я направилась в дальний левый угол, присела и потянула самую носатую физиономию за выдающуюся часть. Та послушно открыла рот, и к моим ногам упал потрепанный свиток, перевязанный грубой серой нитью. Я осторожно подняла его и сунула в поясной карман. И перевела дух. Снова отпустило. Ветер, погладив меня по щеке, скользнул в невидимую щель да пропал.

Я встала, обернулась, но сказать ничего не успела. Шхалар приподнял бровь и протянул:

– И где же мы находимся?

– А что? – я потеряла, разминая, онемевшие ладони.

– Я думал, ты идешь к выходу. А ты рвалась в тупик к тайникам?

– Я вор, а не искатель, – напомнила на всякий случай, доставая планы чертогов, – куда умею – туда и привожу.

– А теперь будь добра привести туда, куда не умеешь, – он выхватил из моих рук мятые листы. – Так, мы были здесь, а сейчас...

Я поджала губы и придиричиво изучила клубок лабиринтов, интуитивно определив место:

– Здесь, кажется...

– Кажется? – переспросил сумеречный едко. – *Кажется?*

– Если ты такой умный – разбирайся сам! – огрызнулась в ответ.

– Ясмилина, ты забываешь. Чертоги вытягивают из нас силу, – сказал Шхалар глухо, и я наконец заметила, что его яркие сизые глаза стали тусклыми, черными. – Еще немного, и от меня будет меньше толку, чем от тебя до инициации. Пояснения нужны?

– До рабочего входа – десять пещер, и я уверена, что он там!

– Тогда вперед, – скомандовал он, – и так, чтобы я тебя видел. Вдруг опять порыв поймаешь.

Как в воду глядел...

Я втянула носом воздух, но удрать не успела. Попыталась просочиться мимо Шхалара, но столкнулась с невидимой стеной и очутилась сидящей на полу. Порыв же проскочил и исчез в узком проходе. Я разочарованно сплюнула.

– Не туда, – заметил сумеречный сухо. – На выход.

– Но тут осталось дело!.. – я встала и попробовала обойти его, но вновь уперлась в незримую стену.

– Чертоги никогда тебя непустят, – Шхалар крепко взял меня за плечо повыше локтя, увлекая за собой. От его ледяной руки по коже побежал холодок. – Одна приманка будет сменять другую, пока не кончится время. А когда оно кончится, ты станешь одной из масок – тайником. Да, я тоже в курсе дела. Здесь есть вещи, которые *хотят*, чтобы их нашли, и зовут к себе. Но не всегда их нужно возвращать людям. Ты не уйдешь отсюда с опасными находками. Да и без них – тоже. Потому что ты уже стала частью чертогов.

Я невольно покосилась на спящие лица. По спине ледяным ручейком пота побежал страх. Они и вправду живые?..

– Т-тайники?..

А ведь я чуть в рот за находкой не полезла!..

– Т-тайники, – передразнил сумеречный. – Куда? Хватит порывов.

Ветер свистел в ушах, манил и звал за собой, подталкивая в спину... Не понимаю, как Шхалар ухитрился его приглушать... Сам вор – да, может отказаться от зова, но чтобы посто-

ронний... Впрочем, он же чешуйчатый, он всяко больше меня знает... Не хочу обратно! Ветер, покрутившись рядом, пробрался под кожу, щекоча и заставляя подпрыгивать от нетерпения.

– Шхал, отпусти!.. – заныла я, когда терпеть щекотливый зов уже не осталось сил. – Я только один тайничок вскрою!.. Ну, Шха-а-ал!..

Он промолчал. Я метнулась в сторону и оказалась зажатой под мышкой. Отвлеклась от зова и недовольно заелозила, засопела, ругаясь.

– Мне неудобно! – попыталась извернуться, получила по мягкому месту и перекинулась на плечо.

Ветер тоскливо ластился к рукам, намекал на чертоговы сокровища, умолял вернуться, и противостоять ему – почти невозможно, и так хотелось поддаться... Но меня снова изловили в воздухе, встряхнули, разлучая с потоком ветра, и водворили на плечо. Я шмыгнула носом, пробормотав «так нечестно».

– Не жалуйся.

– Не подслушивай!

– Не ной.

Последняя пещера сменилась знакомым светящимся коридором.

– Тогда отпусти!

– Уверена, что сможешь управлять своим ветром?

Вообще-то нет...

– Разумеется, да!

Он фыркнул, не поверив. Я оперлась локтями о его спину и уныло вздохнула. И разве станешь с такой нянкой хорошим вором?... Я попыталась зажать уши, но тихий зов звучал внутри меня песней – то манящей, то угрожающей, то ласковой, то отталкивающей. Вечность, когда же это кончится... Коридор завилял быстрыми поворотами, и меня знакомо замутило. Сумеречный решил не ждать, когда я снова сорвусь, и перешел на укороченный путь. Мгновение тошноты – и Шхалар остановился. И замер напряженно.

– Ну и?... – спросила я недовольно.

А ветер... отстал. Я ощущала его – позади, мечущегося в тисках древних стен. Он выл из-за поворота коридора, звал обратно, и там, где мелькал порыв, покрывался чешуйками ряби воздух. И я с удивлением поняла, что чихать мне и на часы, и на время. На все чихать с высокой башни. Я хотела вернуться обратно. Жутко. Непреодолимо. И, обнаружив в себе это стремление, поняла. Так воры и сходят с ума. Так и теряют себя, продавая душу ветру в обмен на старые безделушки. Так и предают близких, забывая обо всем, ломая преграды на пути к вожделенной цели. И так погибают, пропадая бесследно.

Я сникла. И никакие предупреждения не помогут избежать плена зова. До встречи с ним можно считать себя сильным и умным, верить, что справишься, но когда сталкиваешься с непреодолимой силой, которая властно затягивает в свой поток, заманивает обещаниями, дарует чувство свободы и вседозволенности... Тогда и понимаешь, как пусты и бессильны слова предупреждений. И как ты беззащитен перед своенравной стихией, словно беспомощный листок в буйном потоке ветра. И это... жутко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.